

ИЗВЕСТИЯ

**Омского
государственного
историко-
краеведческого
музея**

№ 4

ОМСК — 1996

КОМИТЕТ ПО КУЛЬТУРЕ И ИСКУССТВУ
АДМИНИСТРАЦИИ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ
ОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ИЗВЕСТИЯ

Омского
государственного
историко-краеведческого
музея

№ 4

Составители П. П. ВИБЕ, Т. М. НАЗАРЦЕВА
Научный редактор П. П. ВИБЕ

Омск — 1996

12024

ОБ ИСТОРИИ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ АЗИАТСКОЙ ЧАСТИ РОССИИ

6 августа 1845 г. в Петербурге было учреждено Русское Географическое Общество — четвертое по старшинству среди соответствующих крупнейших обществ мира. Никакое другое общество из основанных в России со времен Екатерины II не имело больших заслуг. За прошедшие годы оно сыграло огромную роль в становлении, процветании и укреплении нашей Родины.

Как отмечает в своем солидном труде «История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества» П. П. Семенов¹, мысль об учреждении этой организации возникла впервые в 1844 г., после того как сыну императора Николая I Константину исполнилось семнадцать лет. Необыкновенная любознательность юноши, для которого разностороннее изучение территории нашего отечества казалось предметом первостепенной важности, навела главного руководителя воспитанием вице-адмирала О. П. Литке и преподавателя географии профессора К. И. Арсеньева на мысль об учреждении под председательством Великого князя Русского Географического Общества.

В книге Великих географических открытий немало страниц посвящено Сибири. Пунктирные линии маршрутов многих известных путешественников проходили и по карте Омской области.

С древних времен русские люди были знакомы с Сибирью. Северо-западная часть ее, примыкающая к Уралу, была известна под названием «югры», или «югорской земли». Летописи конца XI в. свидетельствуют об оживленной торговле новгородцев с народностями, жившими по обе стороны Северного Урала. В XIII в. «югра» включается, хотя и непрочно, в состав новгородских владений. В древних рукописях отмечен поход новгородцев в 1364 г. на Обь, откуда они спустились на парусно-гребных кочах до моря. Холмогорцы стали ходить на Обь морем, вероятно, в конце XV в.²

Служивые люди практически до начала XVI в. часто бывали на «югорской земле» с целью сбора ясака и по торговым делам.

Русские мастера и ремесленники несли свою культуру не только на территорию Сибири, но и в Монголию, Китай. После падения Казанского ханства в 1552 г. проникновение за Уральские горы было значительно облегчено. Движение русских на восток, по старинному выражению «встречь солнцу», в XVI—XVII вв. было облегчено удачным распределением речных систем и вызвало присоединение к России громадных территорий азиатского континента. История исследования их богата беспримерными подвигами русских людей. По свидетельству летописцев, московское правительство, взявшее в свои руки руководство движением колонизации за Урал, преследовало две задачи. Первая заключалась в том, чтобы создать достаточно надежную защиту

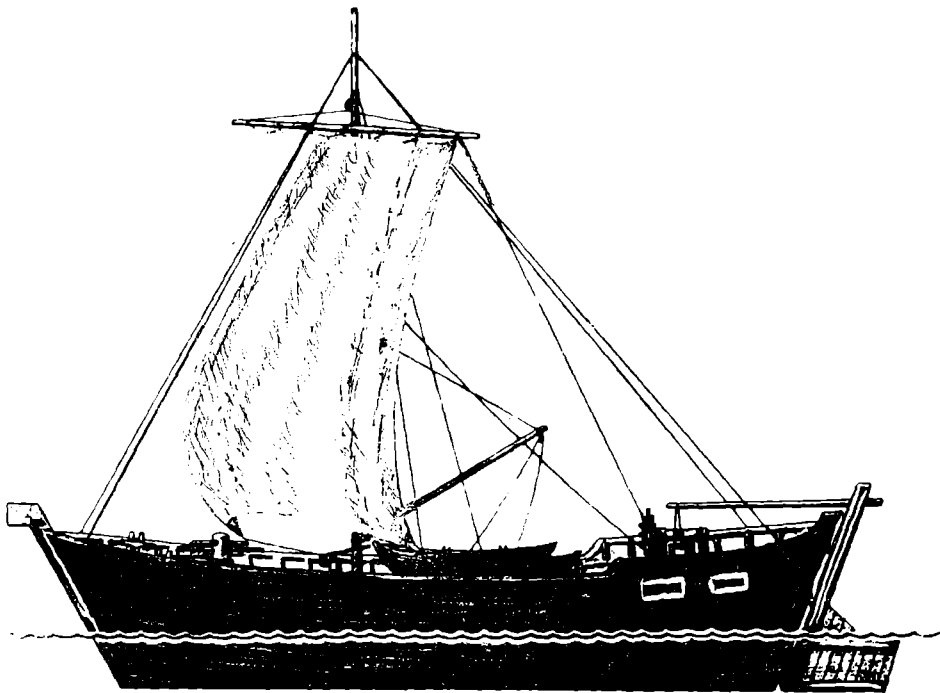


Рис. 1. Коч поморский

восточной окраины государства, а вторая, более важная, состояла в получении большого количества ценных мехов.

В этот период Сибирь становится не только частью Московского государства, в которой строятся остроги, посылаются воеводы, действуют военные люди, но одновременно и доходным предприятием государственной казны.

Завоевание Сибири сопровождалось и быстрым расширением географического кругозора. В Тобольске, бывшем административном центре России, к началу XVII в. скопилось большое количество сведений об этой удивительной стране, составленных служивыми людьми. Часть этих сведений попала в Москву и за границу.

Расширяются торговые и дипломатические связи между Россией и государствами Средней Азии, Китаем, Монголией, что способствует накоплению географических сведений об этих государствах. В 1582 г. московское правительство снаряжает экспедицию с целью «проведать» пути в Китай. Однако подорожные записки путешественников, принявших участие в экспедиции, оказались утраченными для истории.

Лишь в период роста и укрепления России, когда русские землепроходцы открывали все новые и новые неведомые края Сибири, были предприняты новые попытки для поисков путей в страны, лежащие на юго-восток от России. Благодаря мужеству и упорству землепроходцев Василия Тюменца (1616), Ивана Петлина (1618) и Федора Байкова (1654) была подготовлена почва для заключения в 1689 г. первого договора между Китаем и иностранным государством. Наиболее интересны в научном плане результаты экспедиции, отправленной в 1654 г. царем Алексеем Михайловичем во главе с Федором Байковым для отыскания путей и установления связей с Китаем³. Федор Байков был незаурядным человеком. В конце июня 1654 г., прибыв в Тобольск и обсудив все возможные маршруты, решил попытаться достигнуть Китайского государства, идя сначала водой по Иртышу, а затем уже караванными путями через Южный Алтай и далее на восток. Чтобы не вызвать вооруженного столкновения с местным населением, Байков выслал вперед «тобольского бухарина» Сеткуль Аблина. Преодолев на своем пути бесчисленные малые и большие хребты, безвод-

ные пространства пустыни Гоби, отряд прибыл в Китай. Незнакомый уклад жизни окружал русских людей. Никто не знал, как примут их — нежданных гостей — на чужбине. Переговоры в Пекине, занявшие более полугода, ни к чему не привели. Назад на родину русские путешественники шли тем же путем всю зиму, достигнув Иртыша лишь ранней весной. Вдумчивость, наблюдательность, прекрасная память сделали отчет русского посланца выдающимся произведением того времени.

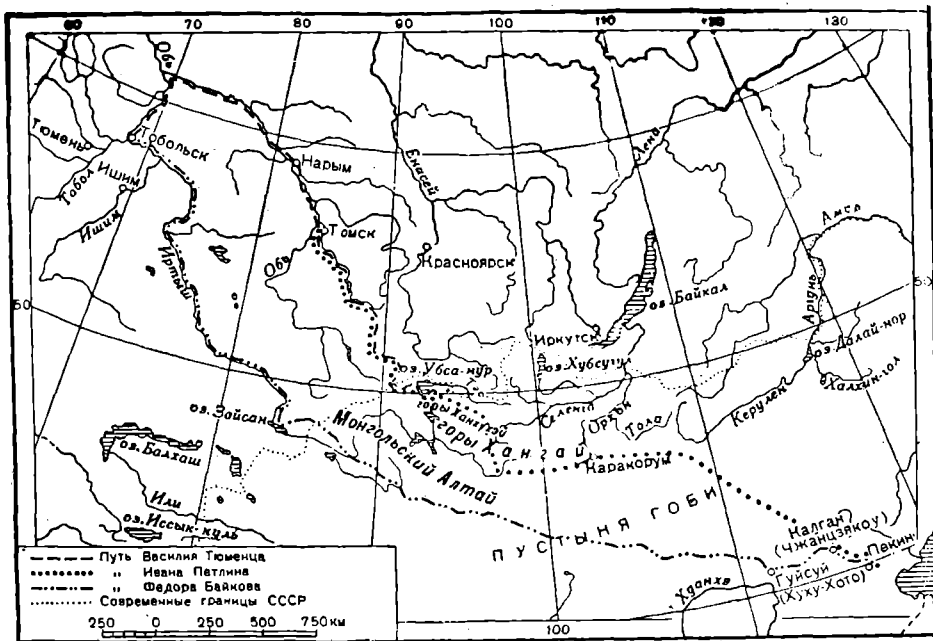


Рис. 2. Карта маршрутов В. Тюменца, И. Петлина и Ф. Байкова

В марте 1675 г. московское правительство вновь предпринимает попытку заключить договор с восточным соседом и отправляет послом в Китай Николая Спафария.

Каким путем ехать в неизведанные края? Были и сторонники отправки экспедиции морским путем, который в то время еще не был открыт. Спафарий поехал через Tobolsk. В Tobolske он встречался с ссыльным хорватом Юрием Крижаничем, от которого получил составленную им рукопись «О китайских делах» и утверждение о невозможности морского северного хода в Китай. По возвращении в Москву 5 января 1678 г. он представил отчет о своем путешествии. В нем дано описание Иртыша, Оби, обитающих на берегах этих рек жителей, а также озера Байкал.

В Древней Руси XV—XVI вв. имелись и первые географические карты с изображением Сибири. Однако от допетровских времен подлинных чертежей до нашего времени дошло мало. Как свидетельствуют историки, в 1552 г., очевидно, существовал чертеж Московского государства. Об этом свидетельствует и карта Европейской России и части Западной Сибири, изданная в 1613 г. в Амстердаме голландцем Гесселем Герриком «по автографу царевича Федора Годунова». Подлинная карта, увековеченная Пушкиным в его «Борисе Годунове», была вычерчена в Москве около 1600 г.⁴

Голландский торговец и географ Исаак Масса перевел с русского языка на голландский сочинение, в котором описывались открытия русских на северо-западе Сибири. Эта статья вместе с картой, скопированной Массой с русского чертежа, напечатана в 1612 г. в сборнике «Описание страны самоедов в Татарии...».

В первой половине XVII в. была предпринята попытка составить

чертеж всей известной тогда части Сибири («Роспись сибирским городам и острогам»).

Имеется в архиве и «Чертеж Сибирской земли», составленный в Тобольске в 1667 г. по распоряжению воеводы П. Годунова.

В 1672 г. был составлен новый «Чертеж Сибирской земли», представляющий переработку чертежа 1667 г. Самым значительным трудом этого времени является «Чертежная книга Сибири», составленная Семеном Ремезовым в Тобольске в 1701 г. Этот первый географический атлас Сибири состоял из 23 листов.

После того как в 1597 г. «промышленный человек» Артемий Бабинов положил начало Московско-Сибирскому тракту, продвижение на восток усилилось. В течение XVII в. г. Тара, расположенный на этом пути, оставался пограничным пунктом Российского государства и играл исключительно важную роль во внешней торговле и изучении обширной территории Сибири.

Начало XVIII в. охарактеризовалось крупными реформами в социальной жизни России, давшими резкий толчок развитию в ней наук вообще и географии в частности. Почетное место в истории географических исследований принадлежит научным экспедициям, снаряженным русской Академией наук. Путешествия этого века были очень медленными: на судах вверх по течению рек, сухим путем по волокам с продолжительными остановками в острогах и городах.

Начало планомерному исследованию Сибири было положено семилетним путешествием Даниила Готлиба Мессершмидта⁵. В Тобольске, где была сделана длительная остановка, он взял себе в помощники пленного шведа Филиппа Таберта, впоследствии на родине получившего фамилию Сталенберга. Полтавский пленник, живший в городе на Иртыше с 1709 по 1722 г., много путешествовал и составил карту Сибири, изданную и исправленную в 1730 г. в Стокгольме. Весной 1721 г. путешественники двинулись вверх по Иртышу до г. Тары, затем через Барабинскую степь в Томск, Кузнецкий Алатау и Восточную Сибирь.

При Петре I были начаты систематические съемки разных частей государства. В 1725 г., незадолго до открытия Академии наук, снаряжается экспедиция В. Беринга для разрешения вопроса, где Азия «сошлась с Америкой»⁶.

С основанием Академии экспедиционная деятельность получила большое развитие. Изучению Сибири способствовали большие академические экспедиции второй половины XVIII в., многие из которых проходили через Тару и Омск. Из них наиболее важная по результатам исследований — Вторая Камчатская экспедиция под руководством Витуса Беринга (1733—1743). Вторая Камчатская экспедиция была предприятием грандиозным даже по современным масштабам. В ней принимали участие академики И.-Г. Гмелин, Г.-Ф. Миллер, адъютант Г.-В. Стеллер, студент С. П. Крашенинников и др. Всего до шестисот участников. Они выехали из Петербурга 8 августа 1733 г., а в конце января 1734 г. достигли Тобольска.

В июне Гмелин со своими спутниками направились вверх по Иртышу в Тару, Омск, затем посетили Томск и ряд других сибирских городов. Беринг с морскими офицерами отправился по Иртышу и Оби до Нарыма, а оттуда в Якутск. Зиму 1736—1737 гг. члены экспедиции провели в Якутске. В июне 1737 г. Крашенинников и Стеллер отправляются для изучения Камчатки. Последний в 1741 г. присоединяется в качестве натуралиста к Витусу Берингу, отправляющемуся со своей командой к берегам Америки. Мужественный ученый Георг Вильгельм Стеллер составил детальное описание этой экспедиции. На обратном пути к Санкт-Петербургу он заболел горячкой и скончался. Это произошло по дороге от Тары до Тобольска. Гмелин с Миллером вернулись в столицу лишь в 1743 г.

Экспедиция сделала много географических открытий и положила

начало решению одной из крупнейших географических задач — освоению северо-восточного морского пути.

Академик П.-С. Паллас, а также путешественники: отец и сын Лаксманы, В. Сиверс, Н. Шангин, И. Георги, П. Фальк и др. своими исследованиями охватили почти все обширное пространство от Урала до Тихого океана⁷.

Наиболее интересны результаты работ Петра Симона Палласа. Весной 1771 г. отряд, возглавляемый этим выдающимся натуралистом, выехал из Челябинска на колымагах и в кибитках, чтобы пройти далекий и трудный путь к забайкальским хребтам. Ближайшими помощниками Палласа были В. Ф. Зуев, которому в то время было всего 15 лет, и студент П. П. Соколов, впоследствии известные ученые. Осенью экспедиция через Омск добралась до Красноярска. В следующем году ее путь лежал через Иркутск, Читу и до китайской границы, откуда путешественники повернули обратно к Уралу. В дневнике П.-С. Палласа имеется подробное описание Барабинской степи и ее озер, сведения о природе Прииртышья.

Путешествие Палласа длилось пять лет — с 1768 по 1773 г. и охватило пространство от Петербурга до Забайкалья. Описание исследования было издано Академией наук (в трех томах). Некоторые описания Палласа не утратили своей ценности до настоящего времени, оставаясь единственными в своем роде историческими свидетельствами о нравах и обычаях разных народов, о состоянии городов, о растительности, полезных ископаемых Сибири того времени и т. д.

Первые два десятилетия XIX в. были бедны исследованиями Сибири по чисто политическим причинам. Скудные данные этого периода ограничиваются лишь наблюдениями путешественников, проезжающих по Сибирскому тракту. После того как в 1763 г. тракт был проведен в обход г. Тары через Тюкалу, дорога, связывающая старинный русский город на Иртыше с главной магистралью, сохранилась. Маршруты ряда экспедиций продолжали проходить через Тару. Наиболее крупные результаты в отношении изучения природных пространств Сибири дала Восточно-Сибирская экспедиция А. Миддендорфа, составившая целую эпоху в истории нашей отечественной географии. Она длилась два года (1842—1844). Пройдено было более 28000 км. Из Петербурга А. Миддендорф вместе с лесоводом А. Брандтом и препаратором Н. Фурманом выехал осенью 1842 г. В Омске к ним присоединился военный топограф В. Ваганов. Дальше путь лежал через Туруханск в малоисследованные районы северо-востока, а также Дальнего Востока. 20 марта 1845 г. А. Миддендорф вернулся в Петербург. На обеде, устроенном в честь путешественника, произошел первый обмен мнениями о желательности основания Русского Географического Общества. Оно было утверждено в августе 1845 г., а 19 октября в Петербурге, в помещении Академии наук, состоялось первое собрание членов, входящих в состав Общества, под председательством Ф. П. Литке. Во второй половине XIX в. через Тару и Омск проходят многочисленные экспедиции, организованные молодым Географическим Обществом и направленные на изучение северо-востока, востока Сибири, а также Алтая, Центральной и Средней Азии. Хроника важнейших географических событий этого периода выглядит следующим образом:

1854 г. — работа Большой Сибирской экспедиции при участии А. Н. Усольцева и др.⁸.

1856—1858 гг. — исследование русским географом П. П. Семеновым Тянь-Шаня, Алтая. В 1856 г. Петр Петрович выезжает в Омск для свидания с генерал-губернатором Г. И. Гасфордом, чтобы побеседовать относительно путешествия в глубь Тянь-Шаня. Летом 1857 г. он исследовал внутреннюю область этой малоизученной территории. На основе собранных материалов Семенов составил схему строения рельефа Тянь-Шаня. Он изучил более 20 горных проходов, собрал богатые коллекции горных пород и растительности.

1857 г.— экспедиция Николая Алексеевича Северцова в низовья Сырдарьи. В окрестностях города Кзыл-Орда он был окружен солдатами Кокандского хана и взят в плен. К счастью, через месяц он получил свободу. Изучены орографические и гидрографические особенности территории и геологическое строение хребтов Киргизского и Каратау.

1866 г.— исследование Олекмо-Витимского края, произведенное Петром Алексеевичем Кропоткиным, личностью, исключительной по своим талантам. В результате обследования обширных территорий Сибири и Северной Маньчжурии он составил новую схему орографии Восточной Сибири⁹.

1868 г.— вторая поездка в Сибирь А. Ф. Миддендорфа, во время которой он сопровождал великого князя Алексея. В этот период Александр Федорович значительное внимание уделял изучению Барабинской степи. Плодородие степной целины вызывало у него восторг. Итогом знакомства с сибирской степью явилась его работа «Бараба»¹⁰.

1869—1871 гг.— исследование Алексеем Павловичем Федченко вместе со своей женой Ольгой Александровной района Средней Азии. Открытие Залайского хребта.

1863—1871 гг.— после Польского восстания в Омск был сослан Иван Дементьевич Черский. Юноша много работал здесь над самообразованием. Составил первую геологическую карту окрестностей г. Омска. Сделал первое научное открытие — доказал, что молодые осадочные породы неогенового и четвертичного возраста, широко распространенные в Западной Сибири, имеют континентальное происхождение. В дальнейшем Черский работал в Иркутске в составе Сибирского отдела Географического Общества и проделал огромную работу по изучению геологии берегов Байкала и горных сооружений Восточной Сибири¹¹.

1868—1888 гг.— исследование Приморья и Центральной Азии знаменитым русским путешественником Николаем Михайловичем Пржевальским. За время последних четырех экспедиций в неизведанные земли Центральной Азии протяженность всех маршрутов составила 32 тысячи км, а площадь территории, положенной им на карту, превысила 7 млн. км². Путешественник сделал первое подробное описание пустыни Гоби, нанес на карту многие величайшие горные цепи Центральной Азии.

1875 г.— первая крупная экспедиция И. В. Мушкетова, охватившая почти весь Тянь-Шань и его северные отроги. Задачей этой экспедиции являлось изучение природных ископаемых Туркестана¹².

1876—1879 гг.— Михаил Васильевич Певцов — преподаватель географии Сибирского кадетского корпуса, по поручению Географического Общества совершил две крупные экспедиции:

первую — в Джунгарию. Он со своими спутниками провел маршрутную съемку между Булун-Тохоем и Гученом на протяжении 845 верст. Вернувшись в Омск, Михаил Васильевич принял активное участие в создании Западно-Сибирского Отдела Русского Географического Общества (1877). Экспонаты, привезенные из этой экспедиции, впоследствии легли в основу отдела природы Омского краеведческого музея. Русское Географическое Общество за работу «Путевые очерки Джунгарии», напечатанную в записках Западно-Сибирского отдела, наградило М. В. Певцова малой золотой медалью;

вторую экспедицию — в Монголию и Китай. Пройдя сложнейший маршрут через пустыню Гоби, исследователь обогатил географическую науку целым рядом новых сведений об этих территориях. В Омске он пишет книгу «Очерк путешествия по Монголии и Северным провинциям Китая». За это путешествие Михаил Васильевич награжден медалью Ф. П. Литке.

1876—1899 гг.— Григорий Николаевич Потанин вместе со своей

женой Александрой Викторовной совершил пять выдающихся путешествий по Монголии, Северному Китаю, Большому Хингану. После окончания Сибирского кадетского корпуса Григорий Николаевич проходил службу на Алтае. Вернувшись в Омск, он встречается здесь с известным путешественником П. П. Семеновым. Эта встреча произвела на юношу сильное впечатление. Петр Петрович побудил Г. Н. Потанина к переезду в Петербург для повышения образования. Заветной мечтой его было проникнуть в глубь Азии. Первые шаги на пути к этой цели были сделаны, когда он был включен в состав экспедиции астронома К. А. Струве, которая в 1863—1864 гг. обследовала берега оз. Зайсан. По окончании экспедиции Потанин получил место секретаря статистического комитета в г. Томске. В 1865 г. он был обвинен в стремлении отделить Сибирь от России и приговорен к каторге. Лишь в 1874 г. по ходатайству Географического Общества Потанин был помилован и получил возможность продолжать исследовательскую деятельность. Он внес огромный вклад в изучение природы и населения Азии. Открыл несколько десятков видов новых растений. Григорий Николаевич многие годы своей жизни жил в Сибири. Неоднократно бывал в Омске, выступал с докладами на заседаниях Западно-Сибирского Отдела Географического Общества¹³.

1899—1900 гг.— экспедиция М. В. Певцова в Каштарию и Куньлунь. Путешественник и его помощники, ученики Н. М. Пржевальского: П. К. Козлов, В. И. Роборовский, а также геолог К. И. Богданович провели маршрутную съемку протяженностью свыше 10 тыс. км и составили карту Восточного Туркестана и северной окраины Тибетского нагорья.

Значительными научными результатами увенчались в последнее десятилетие экспедиции братьев Григория и Михаила Грум-Гржимайло в Тянь-Шань, а также поездки в Центральную Азию В. И. Роборовского и П. К. Козлова.

К концу XIX в. последние, наиболее труднодоступные, районы Азии были пройдены и ее природа в значительной степени изучена. В этом великая заслуга Русского Географического Общества.

В этот период появилось множество географической литературы. В библиотеке Омского краеведческого музея имеются такие интересные издания, как «Учебник географии Российской империи» А. Модэна (1872), «Краткая всеобщая география» А. Ободовского (1875) и др.

На карте России еще оставалось немало «белых пятен»: в Восточной Сибири, Средней Азии, Заполярье, но и они постепенно исчезли в течение первой четверти века. Слабо изученной оставалась природа ряда центральных частей Западной и Восточной Сибири. Ведь географические исследования осуществлялись в результате личных усилий ученых или на ограниченные средства Географического Общества.

Поэтому XX в.— время не столько географических открытий, сколько детальных исследований страны. Географическое Общество сократило экспедиционную деятельность. Специализированные экспедиции стали осуществляться различными научными учреждениями.

Значительный вклад в изучение природных ресурсов Сибири внесли В. А. Обручев, М. А. Усов, Л. С. Берг, многие другие видные ученые. Очень много для изучения географии Западной Сибири, Алтая, Монголии сделали члены Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества — И. Н. Шухов, И. Я. Слопцов, М. М. Сиязов, А. Н. Седельников, П. Л. Драверт, К. П. Горшенин. Не имея возможности подробно остановиться на всех работах этого отдела, замечу, что это тема отдельного разговора.

¹ Семенов П. П. История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества.— СПб.—Въип. 1896.— Т. 1.— С. 3—5.

² Берг Л. С. Очерки по истории русских географических открытий.— М.: Изд-во АН СССР, 1949.— С. 81—93.

³ Банников А. Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай.— М.: Географгиз, 1954.— С. 29.

⁴ Там же.

⁵ Берг Л. С. Всероссийское географическое общество за 100 лет.— М.: Изд-во АН СССР, 1946.— С. 18—23.

⁶ Греков В. И. Очерки по истории русских географических исследований в 1725—1765 гг.— М., 1960.— С. 42—44.

⁷ Тихомиров Г. С. Заметки по истории географии.— М.: Просвещение, 1946.— С. 36—41.

⁸ Коган М. А. Отечественные путешественники XIX—XX вв.— Л., 1970.— С. 8.

⁹ Там же.

¹⁰ Кабо Р. М. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII—первая половина XIX вв.)— М.: Изд-во Гос. геогр. лит-ры, 1949.— С. 52.

¹¹ Обручев В. А. История геологического исследования Сибири.— Т.: Л., Изд-во АН СССР, 1947.— С. 12—32.

¹² Там же.

¹³ Записки Западно-Сибирского отдела Русского Географического Общества.— Т. XXXIX.— Омск, 1927.— С. 7—23.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ФЛОРЫ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

Данная работа посвящена вопросам истории познания флоры Омской области.

История изучения флоры Омской области началась более двух веков назад, в ней можно выделить несколько периодов.

Первый период, начиная с 1719 г., связан с организацией экспедиции в Сибирь под руководством данцигского врача Д. Г. Мессершмидта. Экспедиция имела цель «изыскания всяких раритетов (редкостей) и аптекарских вещей: трав, цветов, корней и семян, и прочих принадлежащих статей в лекарственные составы»¹.

Мессершмидт был первым ученым, осуществившим научное исследование Сибири. Направленный туда Петром I, он после семилетнего путешествия вернулся в 1727 г. в Петербург и привез в качестве результатов своей научно-исследовательской деятельности новые и чрезвычайно интересные для того времени материалы по зоологии, географии, этнографии, лингвистике, истории, археологии и минералогии. Экспедицией Мессершмидта были проведены и ботанические сборы с территории Сибири, в том числе и с территории, ныне входящей в состав Омской области. Результаты экспедиции в виде коллекций, гербария и приложенных к ним описаний были доставлены в Академическую Кунсткамеру. Но, к сожалению, во время пожара Кунсткамеры в 1749 г. ботанические сборы Мессершмидта погибли. Некоторые сведения о них сохранились в работах И. Г. Гмелина — профессора натуральной истории, академика П. С. Палласа и других ученых, пользовавшихся этими коллекциями. В архиве Академии наук хранится рукопись «Index botanicus Sibiricus...» — указатель собранных 380 видов растений на латинском, русском и татарском языках, иногда с очень подробным ботаническим описанием и рисунками отдельных частей растений, с указанием места и условий произрастания, времени сбора семян и практического значения.

Далее следуют две знаменитые Сибирские экспедиции петербургских академиков. Идея организации этих экспедиций принадлежит М. В. Ломоносову. Составив примерную краткую инструкцию для участников научных исследований, Ломоносов в течение нескольких лет добивался снаряжения задуманных им экспедиций. Но осуществлено это было Академией наук уже после его смерти.

Первая из академических экспедиций работала в Сибири в 30-х и начале 40-х гг. XVIII в. с участием историка Г. Ф. Миллера и ботаника И. Г. Гмелина, автора четырехтомной «Флоры Сибири», где он описал 1178 видов растений.

В 1734 г. Гмелин проехал через Омскую губернию по Иртышу из Тобольска через Тару в Омск, далее следуя на юг, к Алтаю. Через семь лет возвращаясь назад, он подолгу останавливался в сибирских городах. Вот как описывается в отчетах этот край: «Мы заехали в

такие страны, которые от природы своими преимуществами многие весьма превосходят, и для нас почти все, что мы видели, новое было. Мы подлинно зашли в наполненный цветами ветроград...»².

Вторая академическая экспедиция, отправленная в Сибирь в 1768 г. под руководством русского ботаника И. И. Лепехина и иностранных натуралистов — академиков П. С. Палласа и И. П. Фалька, имела одну из целей «до познания разных в медицине, экономии и купечестве полезных трав, а особливо таких, которые или иностранные наградить или совсем новую отрасль торгу произвести могут»³.

За два года экспедиция Палласа собрала большие и ценные материалы, о которых подробно изложено в пятитомнике «Путешествие по разным местам Российского государства» (1773—1778), где частично указано на растительность Тюкалинского уезда и окрестностей Омска. «Из Омской крепости выехал я 22 мая. Песчаная по сю сторону Иртыша степь гораздо уже обогатилась травами и цветами. Многочисленный таволжник *Spirea crenata* был также в цветах и повсюду цвели бараний язык *Opisma simplex*, ковыль *Stipa pennata*, икотная трава *Alissum montanum*, /отцвела кановка малютка *Alissum minimum*/, благовонная ночная фиалка *Hesperis sibirica*, скорпионная трава *Myosotis scorpioides et Lappula*, кошечник *Verbascum phoeniceum*; также запяя трава *Phlomis tuberosa*, которую, когда цветет, на Иртыше варят козаки и мужики вместо чаю, и горный щавель *Rumex alpinus* начали показывать свои первые цветы»⁴.

Обширный гербарий, собранный отрядом Палласа, был им же продан в Англию, и теперь находится в Британском музее.

В маршрут отряда под руководством И. П. Фалька (1771—1772) была включена территория Прииртышья и Тарского уезда (часть территории современной Омской области).

Работами этих академических экспедиций XVIII в., заложившими прочный фундамент изучения флоры Омской области, можно завершить один из первых этапов ее изучения.

Второй период (XIX—начало XX вв.) характеризуется увеличением потока экспедиций в Сибирь, особенно в южные и восточные ее районы. Современная территория Омской области большей частью в маршрут этих экспедиций не входила. Лишь в 1856 г. по пути в Семиречье П. П. Семенов-Тянь-Шанский пересекает эту территорию и проводит кратковременное описание флоры. Это можно объяснить тем, что все эти экспедиции имели слишком обширные задачи как по содержанию — общее географическое изучение страны, так и по территории — вся Азиатская Россия, ее интересные для натуралистов окраины: Сибирский Север, Амур, Алтай, Семиречье. Именно в эти районы они и стремились, быстро минув наш край.

В 70—80-х гг. XIX в. изучением Сибири занимались многие иностранные и русские экспедиции. Так, в 1876 г. немецкая зоологическая экспедиция О. Финша и А. Брема, исследуя не только фауну, но и флору этой территории, вывезла достаточно богатый гербарий, в котором немало растений из окрестностей г. Омска.

В это же время (в конце 70-х) начинается более серьезное исследование Сибири главным образом местными учеными, а также соседних с Западной Сибирью университетских центров — Казани и Томска. Работа местных научных работников и любителей давала в основном сводки о видовом составе флоры края. Причем эта работа постепенно расширялась, охватывая все большие и большие территории Омской области.

В 1877 г. в Омске начал действовать Западно-Сибирский отдел Русского Географического Общества (ЗСОРГО), и с 1878 г. начали выходить «Записки ЗСОРГО», в которых печатались крупные статьи и небольшие заметки о лесной и степной растительности Западной Сибири.

Особый интерес представляют работы омских ботаников того вре-

мени — фармацевтов Ю. И. Килломана и К. Л. Гольде, воспитателя военной гимназии И. Я. Словцова, учителя женской гимназии М. М. Сязова.

Ю. И. Килломан производил сборы растений в окрестностях г. Омска. Собранный им большой гербарий был в дальнейшем передан в Дерптский университет. Результаты его почти двенадцатилетней работы были опубликованы им и доктором М. М. Колоколовым (он указал только медицинское употребление растений) в очерке «Флора г. Омска и его окрестностей», напечатанном в 6-й книге «Записок ЗСОРГО». Этот первый список видов омской флоры вышел в свет в 1884 г. и включал 494 вида с указанием их мест нахождения, народных названий и употребления в медицине (если исключить из этого списка некоторые разновидности, культурные растения, виды, ошибочно внесенные в число местных, то останется 475 видов).

Можно подивиться, какой богатый растительный мир был тогда в нашем городе. Правда, сам город насчитывал тогда всего лишь 24 тысячи жителей. Загород начинался уже за нынешним Сибзаводом, туда, на болотца и озерки, где водилась дичь, ходили на охоту. По левой стороне Оми город заканчивался в том месте, где теперь расположен магазин «1000 мелочей». Тогда не было еще ни одной Северной улицы.

В 1884—1886 гг. изучение омской флоры продолжил магистр фармации К. Л. Гольде, поставивший себе задачу не только дополнить список предшественников, но и вести наблюдения над сроками цветения и плодоношения наших растений. Желая пополнить имевшиеся сведения о местной флоре, он совершил ряд поездок из Омска в более отдаленные от города местности: от Омска на север были пройдены 66 верст, на юг — 85, на запад — 50, на восток — 60. Он посетил селения: Николаевку, Александровку, Малое Кулачье, Чернолучье, Красноярку — вниз по Иртышу; Новую Станицу, Усть-Заостровку, Ачаир, Покрово-Иртышское — вверх по Иртышу; Мельничное, Степное, Курганскую, Сыропятское, Юрьево, берега старицы р. Иртыш — Замарайки; р. Оми, Тарбуш, Камышловки. Гербарий, включающий около 600 видов растений, был передан им частями в Академию наук, Омский музей, Лесной институт в Петербурге. Часть гербарных экземпляров, составленных Гольде, хранится в настоящее время в отделе Гербария Ботанического института им. В. Л. Комарова АН России (БИН) в Санкт-Петербурге.

Итогом исследований Гольде, кроме гербария и небольших заметок о сорной растительности на полях около Омска и растениях, занесимых в Омск и его окрестности из других мест, была статья «Перечень сосудистых растений, собранных в 1884, 1885 и 1886 годах в окрестностях города Омска и лежащих близ его поселков», напечатанная в 1888 г. в петербургском журнале «Scripta botanica». В список вошли 567 названий с указанием места нахождения, сроков цветения и плодоношений растений (автор исключил из предыдущего списка 14, прибавил 86 видов растений). Это был второй список омской флоры.

Еще до основания ЗСОРГО в Обществе исследователей Западной Сибири начал свою краеведческую работу в Омске и продолжал ее в Тюмени, где работал директором реального училища, И. Я. Словцов. Он описал 538 видов растений Тюменского округа, указав местообитания, медицинское употребление, время цветения, народные названия (томские и тюменские, например: *Parnassia palustris* L. — перелой, *Lychnis chalcidopica* L. Led. — татарское мыло, *Malva borealis* Wellm. — мышья репка, *Geranium sibiricum* L. — глаз журавельки, *Pteris aquilina* L. — еланый папоротник).

Словцов особенно интересовался лесной растительностью, кедровыми лесами, о практическом значении которых написал ряд специальных статей. Живя некоторое время в Омске, он описал 220 видов растений из окрестностей города. В одной из глав работы «Путевые записки, веденные во время поездки в Кокчетавский уезд, Акмолинскую

область в 1878 году» (1897) Словцов дополнил труд Килломана и Колоколова видами степной флоры, описав 65 видов растений.

Главнейшую роль в исследовании омской флоры сыграли работы М. М. Сиязова. Работая в Омске с 1882 г., он занимался сначала изучением флоры главным образом в близких окрестностях города, а затем и во многих других пунктах в пределах и за пределами Омской области.

Первая печатная работа Сиязова «Итоги исследования Омской флоры» появилась в 10-й книге «Записок ЗСОРГО» в 1888 г. На основе знакомства со статьями по омской флоре, тщательным образом рассмотрев гербарий Гольде, Сиязов составил список сосудистых растений края и получил следующие статистические данные: «Общее число сосудистых растений в г. Омске и его окрестностях есть 532 вида; в том числе семянных или явнотрачных, цветковых растений, растений — 526 видов и высших споровых, тайнотрачных, именно — хвощей и папоротников — 6. Ничтожное число последних растений объясняется отсутствием лесов, степною природою страны. Из этих видов 5 принадлежит к роду *Equisetum* и 1 к роду *Pteris*.

526 видов явнотрачных растений принадлежат 67 семействам, из которых 51 относится к классу двудольных, 1 к классу голосеменных и 15 — к классу однодольных. Общее число видов из класса двудольных есть 422, из класса голосеменных 1, из класса однодольных 103 вида. Значительное преобладание двусемядольных растений объясняется географической широтою исследуемой местности и ее континентальным положением, ее отдаленностью от берега моря. Это преобладание было бы еще более значительным, если бы местные условия, а именно — обилие болот, не содействовали появлению и развитию массы односемядольных, особенно из семейств осоковых и ситниковых (*Cyperaceae* et *Juncaceae*)»⁵.

Таким образом, в этой небольшой статье Сиязов делает первую попытку определить и охарактеризовать состав омской флоры. Он намечает определенную программу ее изучения: «Результатом работ по изучению омской флоры, работ Килломана, Колоколова и Гольде, является накопление сырого материала, определение сосудистых растений, живущих на данной территории. Этим, да еще указаниями на местообитание и распространенность каждого вида, что сделал г. Килломан, ограничиваются данные по интересующему нас вопросу. Задача — далеко не решена. Не говоря уже о том, что мы ничего не знаем о массе растений споровых, мы не имеем еще ни полного, обстоятельного списка сосудистых, ни сведений о времени цветения определенных растений края. Вот задачи, стоящие на первой очереди»⁶.

Стремясь составить полный список растений омской флоры, Сиязов следил за ее изменениями в течение 30 лет.

«Очерк о растительности долины реки Оми близ ее устья» (1895) дает ценный исторический материал, позволяющий судить о влиянии большого населенного пункта на растительность его окрестностей. В других статьях он пишет о многих интересных вопросах из жизни омской флоры — заметки о клевере, об остатках лесной флоры близ Омска, о распространении липы в Тарском уезде.

В 1894 г. Сиязов проводит недельную ботаническую экскурсию в окрестностях Екатерининского завода в Тарском уезде, где описывает 234 вида (из которых 226 видов видел и гербаризировал сам, об остальных 8 только слышал из рассказов местных жителей)⁷.

В 1904 г. в «Записках ЗСОРГО» в книге 31-й Сиязов дает полный список видов флоры для центральной части губернии в статье «*Post-goldeana*. Новый список растений омской флоры», где описывает 588 видов растений (из них 24 вида констатированы впервые около Омска, и это не вновь прибывшие растения, а просто не замеченные предшествующими исследователями). Для каждого вида указываются место обитания, количество — частота встречаемости, время цветения и

плодоношения, распространение в соседних местах. Сиязов упоминает и о неожиданных находках растений. Например: *Cheilidonium majus* L., *Raeonia anomala* L., *Surgipedium macranthum* Swartz. В конце работы сделано распределение растений по возрасту: травянистых однолетних и двулетних — 154 вида, многолетних — 398, деревянистых — 36; указана численность семейств, общее число однодольных и двудольных растений (128 и 453 вида), процентное отношение между цветковыми и бесцветковыми, приведен список редких растений омской флоры.

Эта книга с позднейшими дополнениями к ней долго являлась главным источником наших сведений по флористике средней части Омской губернии.

В 1908—1910 гг. объектом изучения Сиязова является растительность у с. Чернолучье и с. Красноярка. В 1910 г. он повторяет ботаническую поездку в Тарский уезд. На левобережье Иртыша у г. Тары Сиязов описывает 316 видов сосудистых растений из 46 семейств⁸.

В 1913 г. он обследует растительность у с. Черлак (описывает около 330 видов растений), с. Ачаир (около 290 видов)⁹.

Хорошо разбираясь в растительности, Сиязов быстро составлял списки растений, давал общую характеристику флоры, выделял типичные растения, пришлые, отсутствующие.

Уточняя и составляя характеристику флоры окрестностей Омска, Сиязов первым обнаружил много неизвестных для данной территории растений. Так, например, близ города он впервые встретил: *Suregus glomeratus* L., *Obione pedunculata* Moq., *Elymus sibiricus* L., *Omalotheca sylvaticum* L.; в окрестностях с. Чернолучье — *Cirsium lanceolatum* Scop., *Vaccinium vitis-idaea* L., *Chimaphila umbellata* (L.) Barton; в окрестностях с. Красноярка и близ Омска на склонах Оми — *Equisetum ramosissimum* Desf., *Aspidium dryopteris* Baumg., *Botrychium lunaria* (L.) Sw., *Delphinium laxiflorum* DC., *Herminium monorchis* (L.) R. Вг. — орхидное, до тех пор не обнаруженное в окрестностях Омска; в окрестностях с. Черлак — *Agrimonia eupatoria* L., *Agropyrum ramosum* Richt.

Результаты исследований Сиязова были изложены им в ряде докладов, заметках, в местной печати и во многих (более 30) статьях, напечатанных в издательстве ЗСОРГО и в столичных журналах. Есть работы, посвященные изучению флоры Акмолинской, Семипалатинской областей, Тобольского уезда. Эти статьи включают не только списки растений, но и описание флоры по формациям, указания особенностей этой растительности, сравнение с омской флорой.

За большую работу по изучению флоры Сибири Сиязов был награжден золотой медалью Императорского Русского Географического Общества.

Далее хотелось бы отметить важность работ тобольского губернского агронома Н. Л. Скалозубова, организовавшего первую в Сибири селекционную станцию, исследовавшего в течение двадцати лет культурную и дикорастущую растительность в окрестностях Тобольска, Тюмени и других районах современной территории Тюменской области. Большая часть его статей имеет популярный и прикладной характер: Скалозубов пишет о лекарственных травах и других полезных растениях, о сорной растительности, собирает и публикует материалы по народной медицине, составляет словарь народных названий растений, пособие для ботанических экскурсий. Среди его работ есть статья о растительности Тарских и Тюкалинских урманов (территория современной Омской области)¹⁰.

Изучением омской флоры в конце XIX в. занимались не только местные ботаники и любители, но и, как указывалось раньше, ученые соседних с Западной Сибирью университетских центров — П. Н. Крылов, А. Я. Гордягин, академик С. И. Коржинский.

П. Н. Крылов, основоположник учения о растительных сообществах, крупнейший флорист, приступил к своим работам по флоре Западной Сибири в начале 80-х гг. прошлого столетия. В начале своей работы в Сибири при проезде по Иртышу и Оби на службу в Томск он несколько раз экскурсировал по территории Омской области, производя ботанические сборы. В 1926—1927 гг. Крылов многократно пересекал с севера на юг Омский округ, собирая материалы для заключительных работ по флоре Западно-Сибирской равнины. Его сборы хранятся в Гербариях БИН и Томского государственного университета (ТГУ).

За 43 года жизни в Сибири Крылов провел 25 экспедиций в различные районы Западной и Восточной Сибири, посетил Дальний Восток. обстоятельно изучил распространение сибирских растений, особенности их морфологии и жизни. И в результате этой полувековой работы томских ботаников под руководством Крылова вышли в свет семитомная «Флора Алтая и Томской губернии» (1901—1914) и двенадцатитомная «Флора Западной Сибири», завершенная уже после смерти исследователя его учениками Л. П. Сергиевской, Б. К. Шишкиным и др. Содержанием и описанием растений этих определителей до сих пор пользуются при изучении флоры различных районов Западной Сибири.

А. Я. Гордягин, профессор Казанского университета, вел свои работы по изучению Зауралья с 1894 по 1899 г. В 1895—1896, 1899 гг. он обследовал Тюкалинский уезд, а также и другие места современной территории Омской области к востоку от Иртыша. Результатом его шестилетнего изучения явилась монография «Материалы для познания почв и растительности Западной Сибири», где дается общая картина западно-сибирских почв и растительности: описание еловых лесов, сосновых боров, березняков лесной зоны и степной растительности (захватывается западная часть нашей области).

Первый сибирский профессор ботаники, один из основателей Казанской школы ботанико-географов, крупнейший исследователь флоры Сибири, Южного Урала и Зауральских степей, Амурской области, Закаспия и Туркестана С. И. Коржинский работал в Томске в течение четырех лет. В 1890 г. совершил поездки по Барабинской и Кулундинской степям. Результаты этих исследований опубликованы в работе «О природе степей Южной Сибири» (1892).

С 1908 г. наряду с проводившимися научными работами в нашем районе Переселенческое Управление организует почвенно-ботанические исследования. Эта поисково-исследовательская работа стала возможна только лишь при тесном сотрудничестве научных работников из Европейской России и всех местных ботаников. На первом плане этих исследований стояли главным образом утилитарные цели, связанные с поиском свободных и удобных земель для переселения из Европейской России «излишних опасных» землеробов.

В пределах Сибири с чисто практической целью были организованы экспедиции под руководством Гордягина, Скалозубова, Сязова, Крылова, а затем позже — М. И. Пташицкого, М. Д. Спиридонова, В. И. Баранова, В. Ф. Семенова, В. А. Шелудяковой и др. Эти экспедиции затронули в основном изучение Томской, Енисейской, Иркутской губерний, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Сыр-Дарьинской областей.

Интересна экспедиция под руководством М. И. Пташицкого в район Ишимо-Иртышского водораздела в пределах Тюкалинского и Тарского уездов, целью которой было выяснение распределения целых растительных сообществ с возможно полным учетом сопровождающих их внешних условий. Было сделано 130 почвенных разрезов, 250 описаний пробных ботанических площадок, проложено нивелиром 9 профильных линий для учета связей растительных сообществ с рельефом

местности и характером почв¹¹. Часть гербарных экземпляров этой экспедиции и других экспедиций Переселенческого Управления в настоящее время хранится в отделе Гербария БИН.

Результаты изучения отчетов экспедиций этого периода, заметок и статей местных ботаников свидетельствуют, что:

1. Различные части и даже целые районы современной территории Омской области изучены неравномерно. Наиболее полно и обстоятельно — окрестности Омска, Омский район. Значительно слабее изучены Называевский, Тюкалинский, Саргатский, Большеречинский районы и часть северных районов — Тарский, Знаменский, Тевризский и Большешуковский. Об исследованиях в других районах сведений мало или их почти нет.

2. Изучение растительности Омской области велось непланомерно, как уже указывалось, с различными, в основном, практическими целями, а также различными методами.

С организацией в Омске нескольких высших учебных заведений и с возникновением прочного научного центра по изучению местной флоры наступил новый период — детального и научно-хозяйственного направления. Особенно тесно это связано с Сибирской сельскохозяйственной академией, имеющей целью не только готовить специалистов по различным отраслям сельского хозяйства, но и изучать местные естественно-исторические условия, без знания которых совершенно невозможно и рациональная подготовка квалифицированных работников сельского хозяйства. Академия с первых же лет своего существования вплотную приступила к этой работе. Ее ботаники совместно с почвоведом вели интенсивную работу и по губернии, и в более широком краевом масштабе.

В советский период, преимущественно в первые десятилетия, в связи с потребностями сельского хозяйства и промышленности в растительных ресурсах изучение растительного покрова области приняло более широкий характер.

Наряду с экспедициями СибСХАкадемии интенсивно ведется описание растительности и составление флористических сводок по Омской области.

В. Ф. Семенов, председатель Омского отдела Западно-Сибирского Географического Общества, публикует научно-популярный очерк «Растительность Омской области» (1937), где описывает историю изучения флоры области, условия формирования и жизни растительности, дает ботаническую характеристику каждой из природных зон с указанием их флористического состава.

В. И. Баранов, профессор СибСХАкадемии, заведующий кафедрой экологии, дает сводку «Растительность черноземной полосы Западной Сибири (опыт ботанико-географической сводки и районирования)» (1927), описания флоры и растительности некоторых участков области, систематические работы по ковылям и березам.

Изучением омской флоры в это время занимается М. Д. Спиридонов, но его ботанические работы имеют больше геоморфологический и мелиоративный уклон. Интересна его статья о возникновении и эволюции некоторых растительных ландшафтов долины Иртыша в пределах лесной зоны Западной Сибири¹².

Сведения об омской флоре пополнялись также экспедициями Центрального Сибирского ботанического сада (ЦСБС) 1949 (под руководством Е. В. Вандакуровой), 1984; работами Сибирской Агростанции Госземтреста, которые возглавлял заведующий кафедрой кормопроизводства ОмСХИ, профессор И. В. Ларин, экспедициями Всесоюзного научно-исследовательского института лекарственных и ароматических растений (1962) ТГУ (1970—1974, 1981) и работами сотрудников высших учебных заведений Омска.

Вопросами пчеловодства в Сибири занимался заведующий кафедрой

рой биологии ветеринарного института, профессор М. М. Садырин. Он опубликовал более 150 научных работ, имел 4 изобретения по пчеловодству. Для изучения флоры Омской области безусловно важны следующие его работы: «Пчеловодство и медоносы в Омской области» (1940), «Пчеловодство в Омской области» (1949), «Пчелы, мед и урожай» (1963) и др.

Омский ботаник, преподаватель педагогического института А. М. Жаркова расширила список лесных и болотных видов флоры нашей области. Для Западной Сибири она установила типы болот, их динамику и классификацию, составила генетическую схему болот по зонам и описала каждую болотную формацию¹³.

Жаркова написала несколько геоботанических очерков, среди которых очень интересен «Флора Екатеринбургской лесной дачи» (1972). В основу очерка легли данные личных исследований за ряд лет при полевых практиках пединститута. В нем указываются 65 семейств растений и приводятся данные по их количественному составу (интересно, что из 35 видов растений семейства *Ogchidaceae* западносибирской флоры здесь встречается 17 видов). Встречен эндемичный для Западной Сибири вид *Ogobanche krylovii* W. Векк, приводятся сведения о редких растениях Омской области.

Обследованием высшей водной и прибрежно-водной растительности лесостепной зоны области занималась ассистент кафедры ботаники сельскохозяйственного института Л. В. Березина. Для данной зоны было отмечено 27 видов гидрофитов и 34 вида аэрогидрофитов, найден не отмеченный ранее для Омской области *Potamogeton compressus* L.¹⁴.

По лесам Омской области хотелось бы отметить ряд работ доцента кафедры физической географии пединститута Г. И. Зайкова.

Очень подробно и долго изучением растительности Омской области занимался доцент кафедры ботаники сельскохозяйственного института Н. А. Плотников. В ряде работ он описывает сенокосы и пастбища Омской области, деятельность ботанического сада при ОмСХИ, в организации которого принимал непосредственное участие. Огромный интерес представляют следующие работы Плотникова «Об изменениях во флоре окрестностей г. Омска за 40—50 лет и необходимости организации природоохранительных мероприятий» и «Охрана растений Омской области». В них автор публикует данные об изменениях, происходящих в флоре области под влиянием антропоических факторов, указывает, что за последние десятилетия флора омской лесостепи потеряла более 50 видов растений, обращает внимание на необходимость охраны растений, публикует список редких и исчезающих видов растений, указывает на причины исчезновения их из характерных местообитаний и способы их охраны. Здесь же приводятся краткие сведения по истории изучения флоры Омской области и публикуются данные автора по флористическому богатству области.

Совместно с доцентом пединститута Т. И. Зенюк, с привлечением художника И. М. Пивошенко Плотниковым опубликованы буклет и плакат с цветными рисунками взятых под охрану закона растений, с краткими сведениями о них.

В статье «Новый американский сорняк паслен трехцветковый (*Solanum triflorum* Nutt) в окрестностях г. Омска» (1966) Плотников указывает о нахождении в посевах СибНИИСХоза этого сорного растения, которое к тому времени нигде в СССР, кроме окрестностей Омска, еще не было найдено. В статье приводится таблица для определения видов пасленов Западной Сибири.

Совместно с доцентом ОмСХИ Е. К. Левченко Плотниковым составлен краткий определитель сорных растений Западной Сибири, где описывается 269 видов растений, содержатся сведения о распространении их по природным зонам, биологических типах и местообитаниях.

В 1992 г. был опубликован «Конспект флоры Омской области».

ти». Данная работа подготовлена и напечатана при участии сотрудников ЦСБС АН России по материалам 2 конспектов омской флоры, составленных Плотниковым. Данные этих 2 конспектов были объединены, проведена работа по уточнению названий растений с учетом современной номенклатуры. К уже имеющимся данным Плотникова были сделаны дополнения на основании вышедших в печати шести томов «Флоры Сибири». В опубликованном конспекте флоры Омской области Плотников наряду с латинскими названиями растений приводит краткие сведения о местообитаниях и местонахождениях данных видов, частоте их встречаемости. Настоящий конспект представляет большую ценность для дальнейших флористических, ресурсоведческих и природоохранных исследований.

К сожалению, почти не сохранился богатейший гербарий, собранный Н. А. Плотниковым в течение многочисленных поездок и экспедиций по Омской области, другим районам Западной и Восточной Сибири, Казахстану, тем более что среди опубликованных работ этих материалов нет.

¹ Крылов Г. В., Салатова Н. Г. История ботанических и лесных исследований в Сибири и на Дальнем Востоке.— Новосибирск, 1969.— С. 19.

² Семенов В. Ф. Растительность Омской области.— Омск, 1937.— С. 4.

³ Фрадкий Н. Г. Инструкция для академических экспедиций 1768—1774 гг.// Вопросы географии.— 1950.— Сб. 17.— С. 216.

⁴ Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства.— 1786.— Ч. 2. Кн. 23.— С. 117.

⁵ Сиязов М. М. Итоги исследования Омской флоры//Записки ЗСОРГО.— Омск, 1888.— Кн. 10.— С. 1—2.

⁶ Там же.

⁷ Сиязов М. М. На краю урмана//Записки ЗСОРГО.— Омск, 1894.— Кн. 17.— Вып. 3.— С. 1—35.

⁸ Сиязов М. М. Флора левобережья реки Иртыш подле города Тары (результаты исследований 1910 г.)//Ежегодник Тобольского Губернского Музея.— Тобольск, 1914.— Т. 22.— С. 1—38.

⁹ Сиязов М. М. Ботанические экскурсии в Черлак и Ачаир//Известия ЗСОРГО.— Омск, 1913.— Т. 1.— Вып. 2.— С. 1—4.

¹⁰ Скалозубов Н. Л. Опыт естественно-исторического описания Тобольской губернии.— Тобольск, 1899.

¹¹ Пташницкий М. И. Растительность Ишимо-Иртышского водораздела в пределах Тюкалинского и Тарского уездов//В кн.: Предварительный отчет Переселенческого Управления о ботанических исследованиях в Сибири и Туркестане в 1912 г.— Омск, 1913.— С. 24—31.

¹² Спиридонов М. Д. Материалы к изучению растительных ландшафтов в Западной Сибири.— Омск, 1925.

¹³ Жаркова А. М. Генетическая схема болотных формаций Западно-Сибирской низменности по ландшафтным зонам//Известия Омского отдела Географического общества СССР.— Омск, 1963.— Вып. 5(12).— С. 61—86.

¹⁴ Березина Л. В. Некоторые особенности высшей водной растительности в лесостепной зоне Омской области//Материалы к третьему научному совещанию географов Сибири и Дальнего Востока.— Омск: Зап-Сиб. книж. изд.-во., 1966.— Вып. 1.— С. 63—70.

ОМСКАЯ СТОЯНКА — ВЫДАЮЩИЙСЯ ПАМЯТНИК СРЕДНЕГО ПРИИРТЫШЬЯ

Омская стоянка и могильник прочно вошли в число неординарных памятников археологии Западной Сибири. Трудно подобрать другой памятник в регионе, который бы характеризовался таким количеством и разнообразием находок, а также широтой хронологического диапазона, культурно-исторической и этнической их принадлежности. Знакомство с топографией памятника и коллекцией стоянки убеждает в уникальном ее характере, которую, несмотря на давнюю и относительно богатую историю изучения, постигла печальная и, увы, к сожалению, типичная судьба — быть разрушенной и застроенной современными строениями. Однако нельзя говорить, что Омская стоянка уничтожена, что она перестала существовать, она живет, продолжая существование под асфальтом и бетоном комплекса зданий профилактория завода им. А. С. Попова, ее остатки, наверняка, уцелели и на прилегающих территориях.

Омская стоянка и могильник находятся на левобережье Иртыша, в районе Ленинградского моста. Точные их границы и размеры сейчас уже не установить. По местоположению раскопов, заложенных на стоянке в разные годы, главным образом, по пунктам сбора подъемного материала специалистами и любителями можно полагать, что стойбище первобытного человека протянулось от участка выше моста на 200—300 м и вниз по течению реки на многие и многие сотни метров, в глубь же берега — на 300—400 м. Не исключено, что в районе моста находилось своеобразное «гнездо», скопление нескольких стоянок; подъемный археологический материал собран в отдаленных друг от друга пунктах и даже на нынешних островах напротив устья р. Оми, некогда составлявших единое целое с левым берегом Иртыша. Возникновение и длительное существование крупного древнего центра на левобережье не случайно. Еще на заре истории человек научился умело выбирать под жилье удобную во многих отношениях местность. В нашем случае имелся подход к воде, рядом устье р. Камышловки (ныне р. Замарайка и озера Птичьей Гавани), напротив устье р. Омь. Для рыболовецкого промысла, который являлся стержнем экономики эпохи камня и раннего металла (V—III тыс. до н. э.), это было идеальное место. На Иртыше и Оми можно было заниматься сетевым ловом рыбы и удочкой; Камышловка же пригодна для устройства различных запоров-ловушек стационарного типа. Добавим, что в устьях рек вода насыщалась кислородом, особенно в зимнее время; сюда река своим течением выносила корма для рыбы. Все это приводило к скоплению огромного количества рыбы. В зимнее время пласт рыбы в таких местах в историческое время достигал под льдом толщины 5—6 м¹. Расположение стойбища на берегу реки обеспечивало людей и подручным сырьем — галькой, из которой изготовлено большинство орудий труда каменного и бронзового веков. Иртыш служил с незапамятных времен удобной торговой артерией, связывающей воедино Казахстан, Сред-

нюю Азию с Западной Сибирью. На Омской стоянке подобраны изделия из привозного камня, а также бронзовые вещи, литейные формы и отходы бронзолитейного производства. Компоненты для получения металла поступали из Казахстана или Южной Сибири.

Комплекс обстоятельств обеспечил памятнику еще одно важное достоинство. Омская стоянка — памятник многослойный, человек поселился в устье Камышловки в конце мезолита — раннем неолите (V—IV тыс. до н. э.), покинул же это место в средневековье (на рубеже I—II тыс. н. э.). Таким образом, в течение 6 тысяч лет в устьях Оми и Камышловки существовал очаг первобытной культуры.

Памятник столь исключительного значения имеет, как отмечалось выше, богатую, а порой и драматическую историю исследования профессиональными археологами и любителями.

Первооткрывателем стоянки является известный в свое время в городе врач, краевед, тонкий знаток и ценитель восточного искусства, любитель-археолог С. А. Ковлер. С его именем связан еще ряд интересных археологических открытий в Омске и его окрестностях². Лето 1918 г. для Омска было беспокойным: здесь, как и по всей стране, в том числе и в Сибири, запыхало пламя гражданской войны. Но жизнь не останавливалась. Сборы С. А. Ковлера в этот год и положили начало изучению памятника. Поступили ли материалы с Омской стоянки из собрания Ковлера в музей нам неизвестно, однако такой дотошный краевед, как А. Ф. Палашенков, неоднократно ссылается на Ковлера как первооткрывателя памятника³. Указать на это необходимо, ибо в 20-е гг. предпринимались попытки оспорить пальму первенства открытия памятника. С 1923 г. стоянку постоянно посещает знаменитый наш земляк — ученый, поэт, писатель, краевед П. Л. Драверт. В краеведческом музее и кабинете археологии Омского педуниверситета на планшетах и в отдельных коробках хранятся коллекции каменных и костяных предметов, обломки глиняной лепной посуды с собственноручными подписями Драверта. Оригинальна каменная миниатюрная подвеска с отверстиями, найденная Дравертом на стоянке.

В 1926 г. П. Л. Драверт участвовал в работе Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда⁴. В работе съезда участвовали крупнейшие археологи Сибири, являвшиеся специалистами и в области археологии каменного века: Н. К. Ауэрбах и Г. П. Сосновский из Красноярска, Б. Э. Петри из Иркутска. По докладу Н. К. Ауэрбаха и Г. П. Сосновского «Доисторические богатства Сибири, их охрана и изучение» в прениях выступил П. Л. Драверт. Им была высказана мысль о необходимости поиска неолита в Западной Сибири, который «...мы, действительно, очень мало знаем»⁵. Омская стоянка как возможный неолитический памятник им не упоминается. К неолиту Западной Сибири неожиданно обращается и иркутский этнолог Б. Э. Петри, указав «...на важность исследования неолита в Западной Сибири, о котором мы ничего не знаем»⁶. Чем объяснить такое внимание именно к неолиту Западной Сибири? Насколько можно судить по составу оргкомитета и докладам, никого из западносибирских археологов на съезде не было. Томского краеведа И. М. Мягкова тогда интересовали вопросы охраны и изучения памятников искусства Сибири. Привлечь внимание маститых ученых к археологии каменного века Западной Сибири мог только П. Л. Драверт. По-видимому, и поездка Н. К. Ауэрбаха в Омск в 1927 г., где он обстоятельно познакомился с коллекцией Омской стоянки, была осуществлена по приглашению П. Л. Драверта. Какова оценка Ауэрбахом материалов стоянки? К сожалению, пока в архиве нам не удалось разыскать документальных свидетельств.

Коллекция стоянки демонстрировалась наркому просвещения А. В. Луначарскому, посетившему наш город в 1927 г. В этом же году стоянка впервые была исследована профессиональным археологом Е. Н. Липеровской, выпускницей МГУ, прошедшей подготовку под руководством патриарха российской археологии В. А. Городцова⁷; при-

была она в Омск по приглашению сокурсницы по историческому факультету МГУ, археолога Омского краеведческого музея В. П. Левашовой⁸. Липеровская вскрыла тремя раскопами-траншеями площадь в 80 кв. м. Работы велись в июне, они включали и съемку, на плане памятника отмечено было наличие низких холмов, вытянутых по направлению СЗ-ЮВ. Материалы раскопок поступили в краеведческий музей, полевая документация хранится в Омском госархиве. Липеровская предложила и первую, насколько нам известно, датировку памятника эпохой раннего железного века — 1 тыс. до н. э.

В 1928 г. показательную шурфовку памятника с участием членов школьного археологического кружка провела В. П. Левашова; было заложено четыре шурфа по 1 кв. м. В 1929 г. подъемный материал на стоянке собирался членом кружка археологов при музее Дм. Борманом. В 1928 г. впервые информация о памятнике попала на страницы научно-методического издания: «Путеводителя по археологическому отделению»⁹. Из него следует, что Омская стоянка была расценена как однослойный памятник эпохи раннего железного века, по терминологии тех лет — «ранней поры палеометаллической эпохи»¹⁰. Каменные орудия труда, изделия из глины, бронзы и железа со стоянки были выставлены в первой упорядоченной научной экспозиции, посвященной прошлому Омского Прииртышья. Оценка Левашовой возраста и культуры памятника нами уже отмечалась¹¹. Впоследствии сборами на стоянке занимался А. Ф. Палашенков.

В 1945, 1948 и 1949 гг. памятник обследовался В. Н. Чернецовым¹². Он пришел к выводу о многослойном характере памятника и длительности его существования¹³. Самые ранние слои, по мнению Чернецова, относятся к эпохе самого начала металла¹⁴. Омская стоянка фигурировала в докладе ученого «Археологические исследования в Западной Сибири», прочитанного в сентябре 1949 г. перед членами Омского отдела ВГО. В нем сквозила тревога за судьбу памятника, которому угрожали воды Иртыша и хозяйственная деятельность человека. Материалы, прежде всего Омской стоянки, послужили основанием для Чернецова отнести время появления первобытного человека в Омском Прииртышье к концу неолита — раннего металла (III—II тыс. до н. э.). С ним не согласился другой крупнейший сибирский знаток древностей М. П. Грязнов. На основе анализа бивня мамонта со следами зарубок Грязнов пришел к выводу о позднепалеолитическом появлении человека в Омском Прииртышье¹⁵. Это впоследствии подтвердили уральские археологи¹⁶.

В 1953 г. Омская стоянка была отмечена на археологической карте Нижнего и Среднего Приобья, составленной И. А. Талицкой. Согласно ее заключению, стоянка датируется эпохой бронзы¹⁷. Материалы Омской стоянки постоянно привлекались в монографических и сводных работах по археологии и Евразии, и Западной Сибири в частности¹⁸.

В 1988—1989 гг. аварийные работы на стоянке проводились археологами Омского педуниверситета. Тогда здесь был открыт могильник и частично сохранившийся котлован жилища периода неолита, а также собрана коллекция фрагментов керамики, костей, каменных, костяных и бронзовых изделий.

Настоящая статья нацелена на посильное переосмысление прежних материалов, а также на введение в оборот новых. Необходимо заметить, что научному изданию материалов Омской стоянки следует посвятить специальную монографию. Объем статьи предоставляет возможность выборочного подхода к анализу памятника. Состав коллекции с Омской стоянки, что хранится в Омском историко-краеведческом музее, отражен в таблице 1.

Состав коллекции с Омской стоянки

Материал	Номенклатура	Количество
камень	наконечники стрел	131
	ножи	11
	скребки на отщепах	444
	концевые скребки	234
	наконечники копья или дротика	4
	тесла и заготовки для тесел	5/2
	проколки	10
	нуклеусы	35
	ножевидные пластины	736
	отщепы	1221
	обломки камней со следами обработки	87
	камни	30
	грузила	1
	литейные формы	4
точильные бруски	19	
кость	наконечники стрел	6
	острие	1
	гарпуны	3
	заготовки	12
	клык медведя с отверстием	1
бронза	нож	1
	кольцо	1
	лапчатые подвески	2
	шило	1
	изделия неясного назначения обломки руды	3
глина	фрагменты керамики	3546
	фигурка человека или животного	1
	сосуды	2
	пряслице	1
	изделие неясного назначения	1
	Всего	6556

Число находок с Омской стоянки неизмеримо больше хранящегося в фондах музея. Мне пришлось неоднократно знакомиться с многочисленными коллекциями с Омской стоянки, хранящимися у любителей-краеведов. Сбором подъемного материала постоянно занимались члены археологических кружков дворцов пионеров, клубов и школ. Часть коллекции со стоянки была передана в кабинет археологии Омского педуниверситета. И конечно, в результате неудовлетворительного хранения археологических коллекций, часть безвозвратно утрачена из фондов музея.

Материалы раскопок 1988 г. представлены нуклеусами (рис. 1.1—5, 20), ножевидными пластинами (рис. 1.6—19), некоторые пластины со стороны спинки обработаны ретушью вдоль одного длинного края (рис. 1.16, 17). Отщепы со следами подработки ретушью (рис. 1.21, 23) и отщепы (рис. 1.23, 25—27; 2.2, 3), наконечники копья или дротика (рис. 1.13), обломок камня (рис. 2.1).

Каменные изделия имеют многочисленные аналогии среди памятников раннего неолита Омского Прииртышья¹⁹. К этому склоняет присутствие в коллекции 1988 г. значительного числа микропластин. Согласно заключению В. Ф. Старкова, комплекс считается микролитоидным при длине пластин 11—18 и ширине 4—14 мм²⁰. Такие экземпляры есть в коллекции (рис. 1.8, 9). Среди каменных изделий также

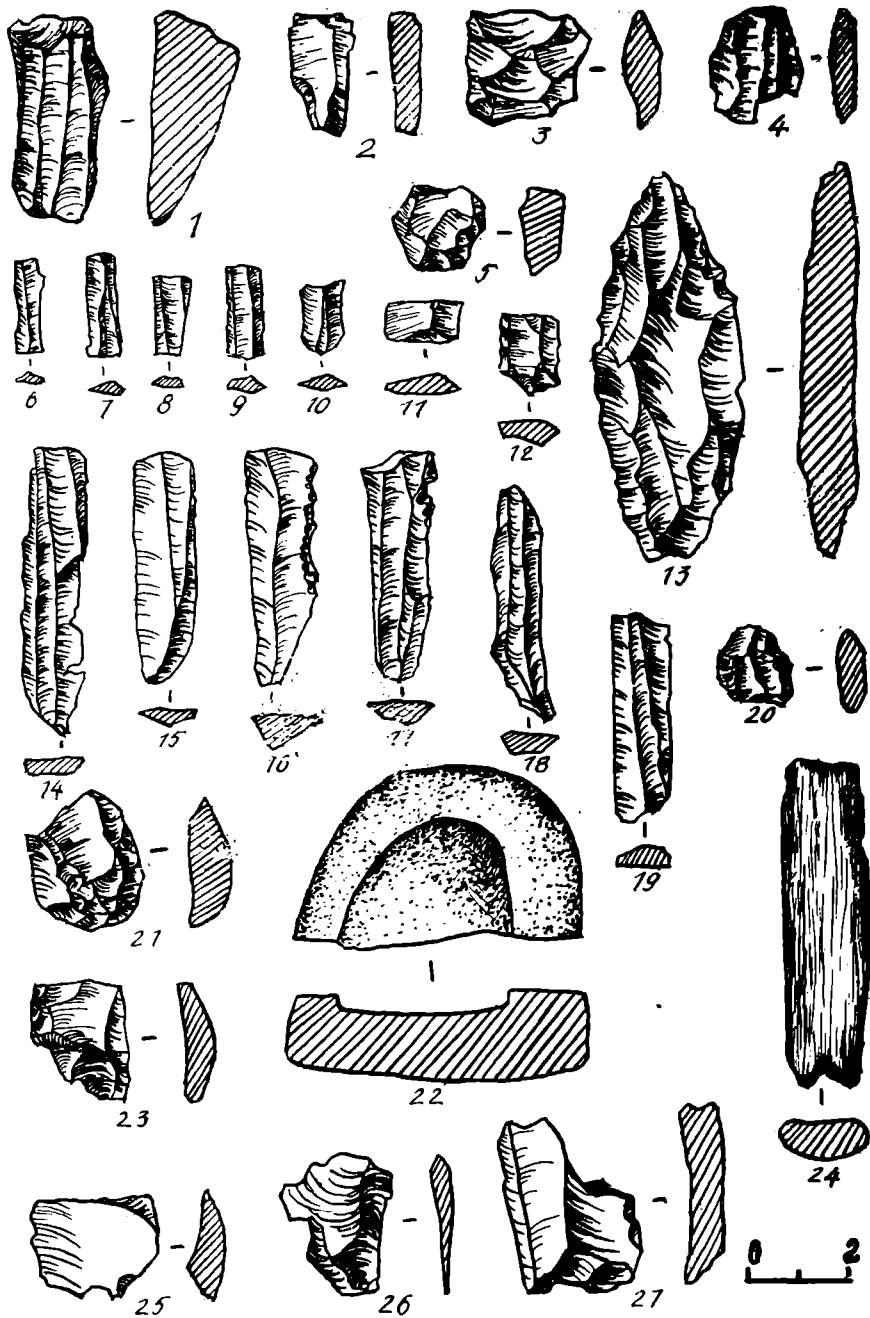


Рис. 1. Инвентарь Омской стоянки:

1—5, 20 — нуклеусы; 6—12, 14—19 — ножевидные пластины; 13 — наконечник копья; 21, 23 — скребки; 22 — литейная (?) форма; 24 — изделие; 25—27 — отщепы. 24 — кость, остальные — камень

крупная (8,2×5,5×3,4 см) отшлифованная галька, обломок литейной формы (рис. 1.22).

Костяные изделия представлены прямоугольной мерной (?) пластиной (рис. 1.24) и толстой пластиной с приостренным и зашлифованным рабочим краем (рис. 2.9). Бронзовое шило (рис. 2.6) имеет аналоги в материалах поздней бронзы и переходного к железному веку времени. Подобные шилья известны в составе клада VIII—VI вв. до н. э. из Ростовкинского могильника²¹.

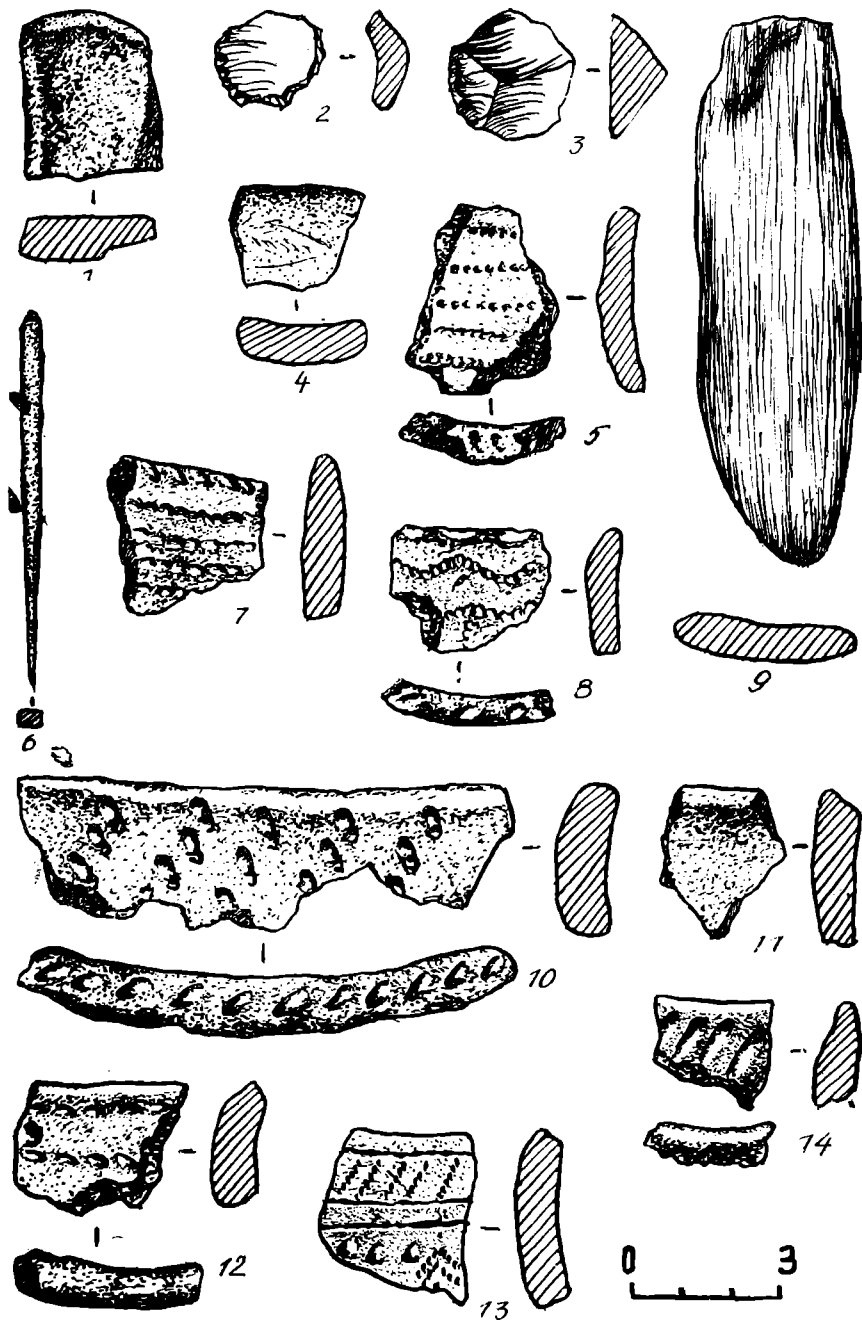


Рис. 2. Инвентарь Омской стоянки:

1 — камень; 2, 3 — отщепы; 4, 5, 7, 8, 10—14 — керамика; 6 — шило, 9 — изделие

Фрагменты лепной керамики характерны для эпохи раннего металла и развитой бронзы (рис. 3—5)²².

Раскопом 1988 г. удалось, насколько нам известно, впервые открыть на стоянке часть котлована прямоугольного жилища (?), размером 1,25×1,50 (северо-западная и северо-восточная его части уходили за раскоп), углубленного в материк на 0,25 м. Вдоль стен по периметру шли материковые нары (?) шириной 0,50—0,6 м. Сторонами сооружение сориентировано СВ—ЮЗ. Пол ровный, материковый. На нем обнаружены две ножевидные пластины из яшмы, что дает основные отнессти и сам котлован к эпохе неолита.

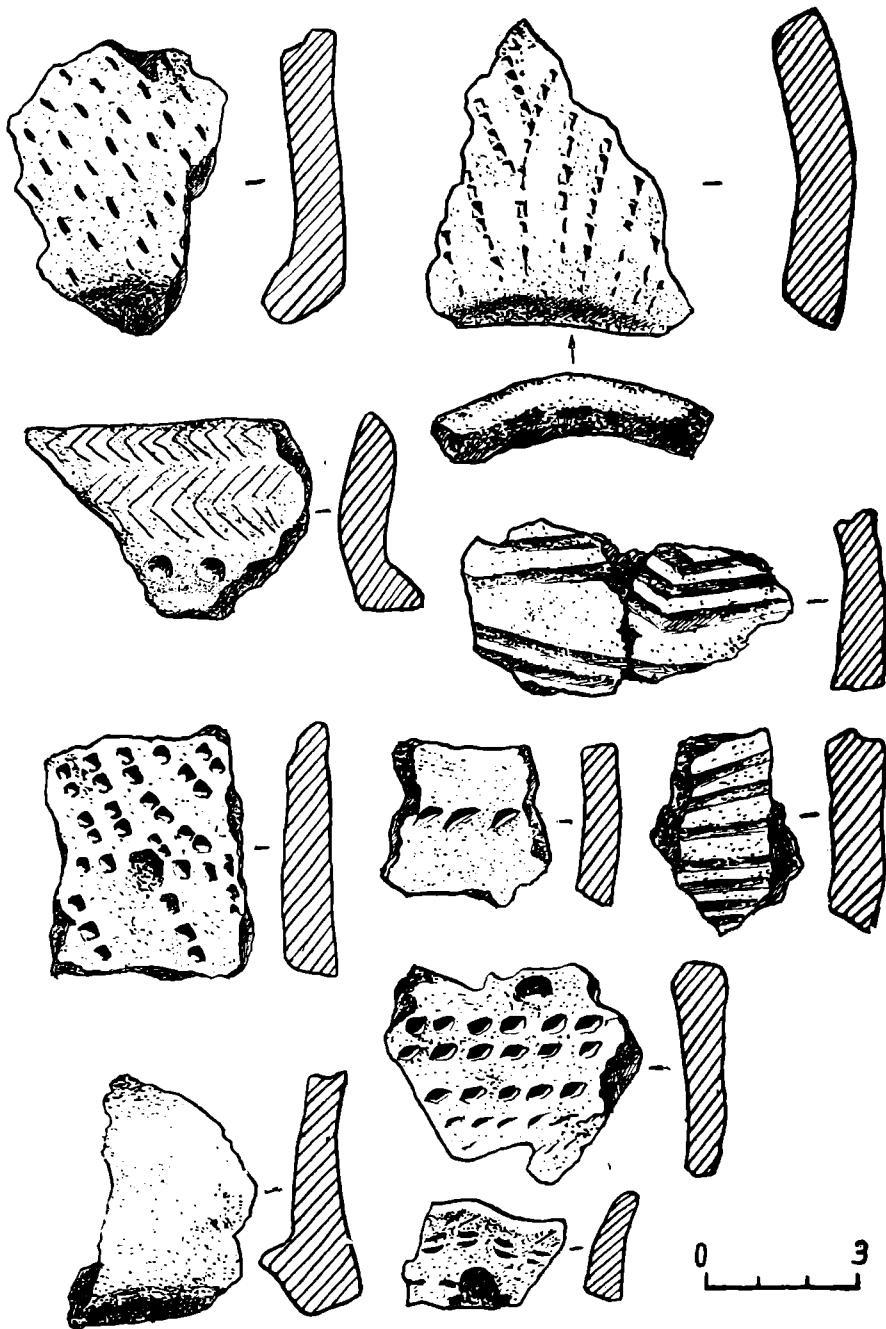


Рис. 3. Керамика

В 1988 г. были также открыты остатки могильника — пять погребений, из которых три разрушены (от них сохранились фрагменты черепа и костей человека), два нетронуто. В прежних сборах на стоянке попадались фрагменты человеческого скелета, в частности фрагменты челюсти (три фрагмента) и ныне хранятся в коллекции. Найденные фрагменты черепа 1988 г. с внешней стороны оказались слегка обожженными.

Переходим к описанию сохранившихся погребений.

Погребение 2 (рис. 6.7)²³ открыто на глубине 0,9—1,00 м от современной поверхности. Контуры могилы в желтоватом суглинке не

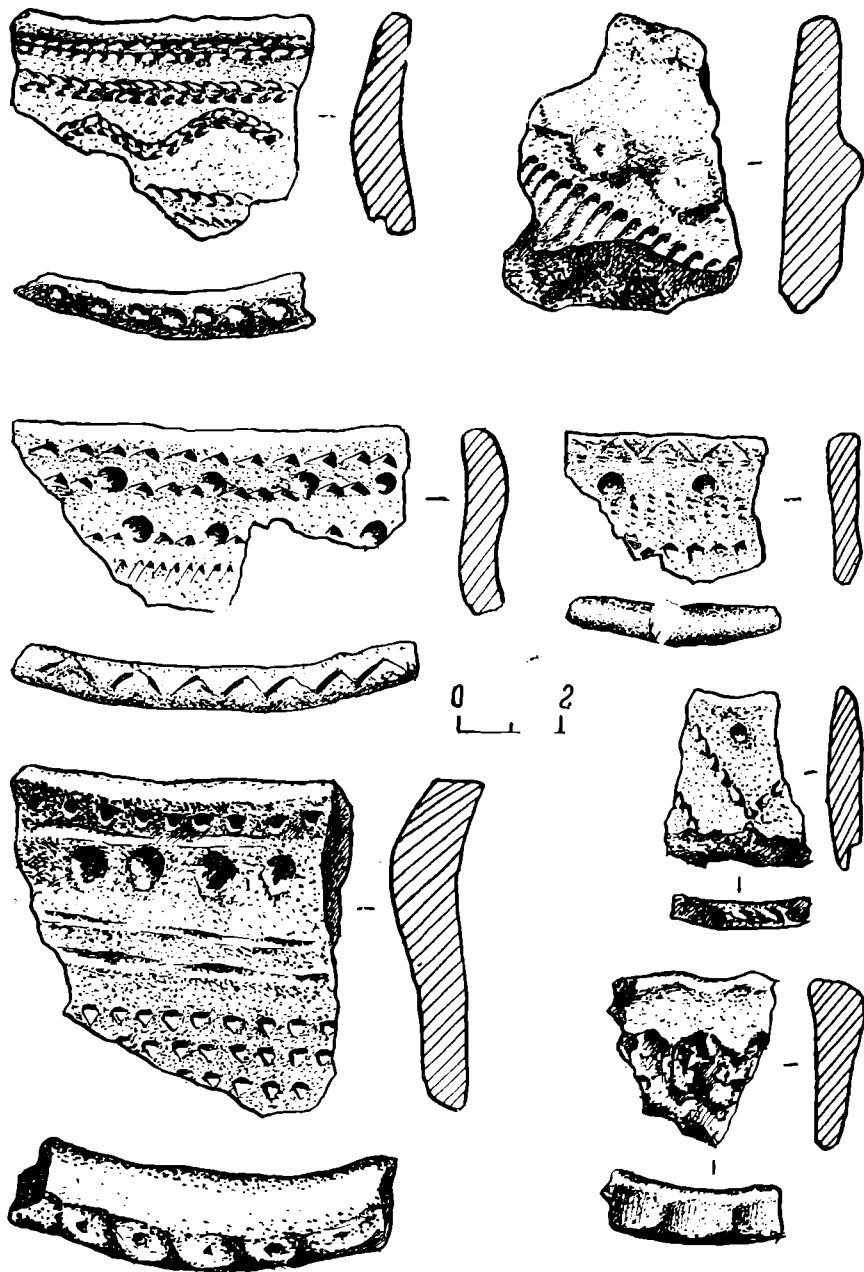


Рис. 4. Керамика

зафиксированы. Умершая женщина в возрасте 20—25 лет²⁴ помещалась на спине в вытянутом положении, головой на северо—северо-восток (череп покоился на правом боку), поза рук не восстанавливается из-за отсутствия костей, ноги, вероятно, были слегка согнуты в коленях. Рост 164 см. В области шейных позвонков лежали два просверленных клыка росомахи (рис. 6.1, 2), а к западу от правой бедренной кости — отщеп из желтого аплита и две короткие ножевидные пластины из яшмы. Со стороны спинки имеется боковая ретушь (рис. 6.3—5). А. И. Петров относит подобные ножевидные пластины с одной или двумя приостренными ретушью боковыми гранями к категории ножей²⁵. Дно могилы ровное, плавно понижалось от головы к ногам. Разница крайних точек составляла 17 см.

Погребение 3 (рис. 6.8) находилось на глубине 1,25 м. Час-

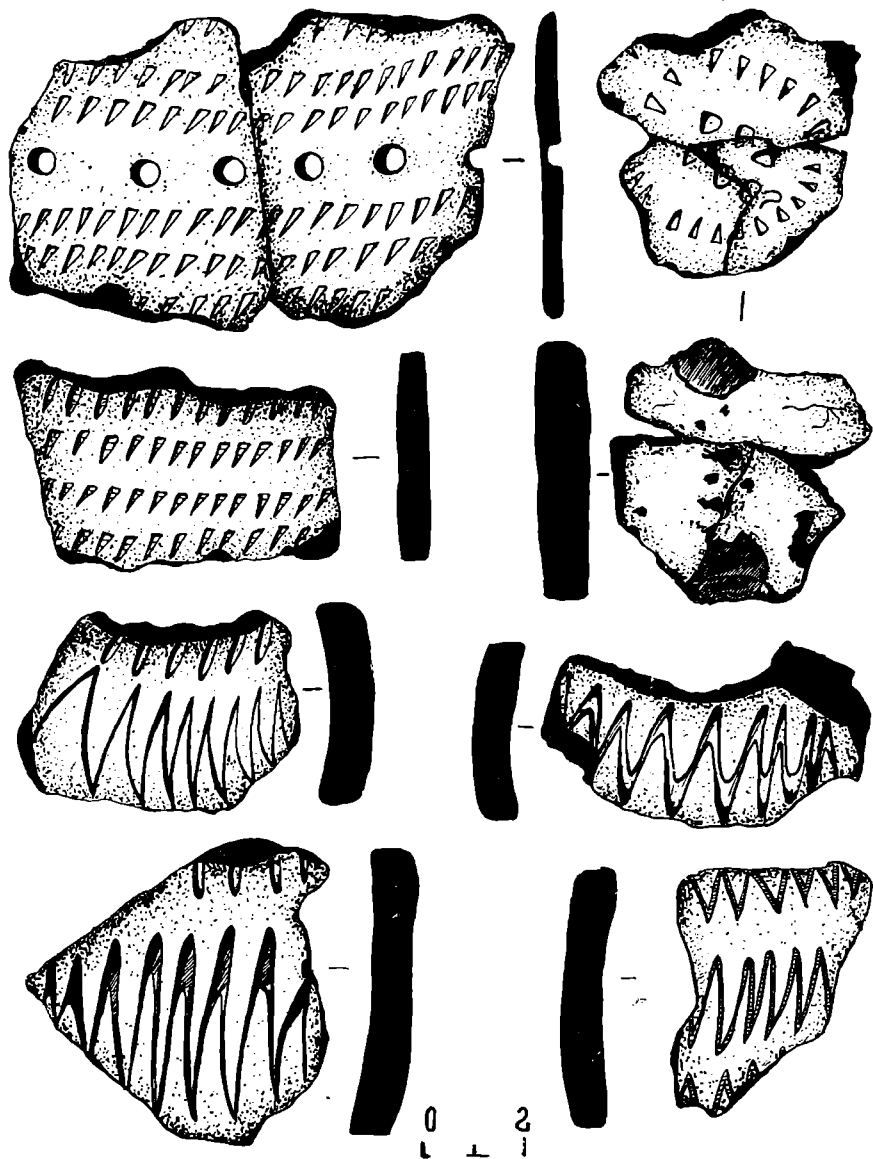


Рис. 5. Керамика

тично перекрывалось погребением 2. Прослойка суглинка, разделяющая погребения, составляла 10—15 см. Могильная прямоугольная яма имела размеры 2,10×0,45—0,50×0,05—0,07 м, сориентирована СВ—ЮЗ. Дно могилы ровное. Умерший мужчина в возрасте 25—30 лет, ростом 178—180 см лежал на спине в вытянутом положении, руки вдоль туловища, кисть правой руки покоилась на тазовых костях, кисть левой — под тазовой костью. Череп и челюсть оказались смещенными: череп лежал сводом вниз — в районе верхнего отдела грудной клетки, челюсть — возле черепа. Ребра, часть позвонков и фаланги пальцев рук отсутствуют. Безынвентарное.

По определению А. Н. Багашова, одно из разрушенных погребений (№ 1) являлось мужским (возраст 40—50 лет).

Погребенные из могил 2 и 3, по заключению А. Н. Багашова, принадлежат представителям европеоидной расы с незначительной долей монголоидности, что объясняется автором антропологических определений участием восточноевропейского населения в формировании

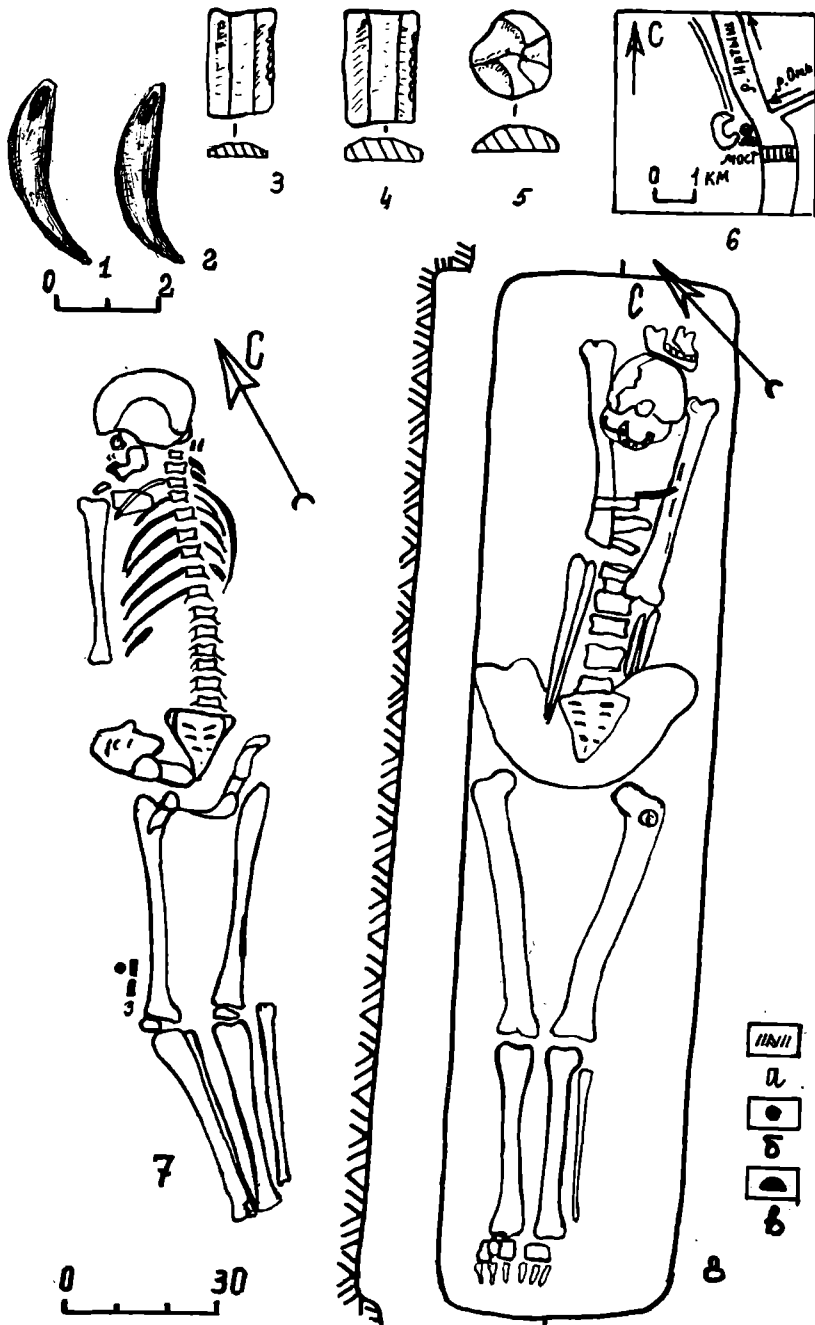


Рис. 6. Омский II могильник:

1, 2 — клыки росомахи; 3, 4 — ножевидные пластины; 5 — отщеп; 6 — ситуационный план расположения стоянки и могильника; 7 — погребение 2 (план); 8 — погребение 3 (план).
1, 2 — кость, 3-5 — камень, а — материк, б — стоянка, в — могильник

среднеиртышского этноса при опосредованном влиянии восточносибирских популяций.

Археологический материал из погребений крайне скуден для каких-либо выводов в указанном направлении.

Отсутствие в обеих могилах керамики, а также ножевидные пластины и отщеп позволяют датировать их, равным образом и могильник, эпохой неолита, скорее всего, ранней его фазой, т. е. IV тыс. до н. э. Показательно, что одна из могил перекрывала другую, что ставит погребенных в семейно-брачные отношения.

Использование клыков животных в качестве амулетов-оберегов характерно для всей эпохи первобытности, в том числе и для среднеиртышского населения. Росомаха — неуклюжее животное из семейства куниц, обитавшее по северу Евразии и Северной Америки, — могла привлекать неолитического человека своим мехом. Способность животного к передвижению по любой местности, в том числе и по снежному покрову зимой, необычный для древнего человека ночной образ жизни росомахи, ее свирепость и отчаянная решимость постоять за себя — эти и другие качества сделали ее почитаемым животным.

Положенные в женскую могилу каменные изделия имеют одну отличительную особенность: сколотые с нуклеусов ножевидные пластины подверглись вторичной обработке. Эта деталь характерна для ряда раннеолитических памятников Среднего Прииртышья²⁶.

Определенную направленность имеет и ориентация умерших головой. Северная с отклонениями направленность типична для народов Западной Сибири от эпохи камня и до позднего средневековья; кроме того, костяки с Омского могильника головой сориентированы перпендикулярно по отношению к реке. И эта деталь типична для неолитических могильников Западной Сибири²⁷ и Прибайкалья²⁸. За этим скрываются определенные религиозные воззрения; возможно, Иртыш являлся той границей, которая отделяла «страну живых» от «страны мертвых». По воззрениям аборигенных народов Западной Сибири, «страна мертвых» находилась далеко на севере и путь к ней лежал по реке (Иртыш, как известно, течет в меридиональном направлении). Неолитический могильник находился на территории неолитического поселка. Это еще одно подтверждение неолитического возраста могильника, т. к. значительное число неолитических погребений Восточной Европы расположено на территории поселков²⁹. И в этой связи не подтверждается вывод новосибирских исследователей о том, что «...выделение кладбищ за территорию поселка, можно отметить как характерную черту западносибирской культуры эпохи неолита»³⁰.

Связь живых и мертвых в рассматриваемое время нередко выражалась подобным территориальным совмещением, хотя в нашем случае не дано знать, сосуществовали ли стоянка и могильник одновременно или их разделяет промежуток времени. По этнографическим и археологическим данным известно, что оставленные или заброшенные поселения становились местом устройства могильников и святилищ. Остается без ответа и вопрос о причинах смещенного положения черепа и челюсти. Непотревоженность мужского погребения гарантирована «верхним» женским захоронением. Возможно, что отделение головы от туловища преднамеренно осуществлено сородичами. Потревоженность скелетов людей отмечена и для других неолитических могильников Западной Сибири. В могильнике Прорва «скелеты потревожены, что заставляет предположить, что трупы умерших захоранивались после достаточно длительного выдерживания»³¹. Обращает внимание отсутствие в могилах керамики, что служит еще одним аргументом в пользу неолитического их возраста, т. к. это типично и для многих других неолитических могильников Западной Сибири³².

Омский могильник является в настоящее время самым древним некрополем в Среднем Прииртышье и принадлежит к числу немногих известных неолитических могильников Западной Сибири³³.

Из д. Усть-Куренга Тарского района происходят два человеческих черепа и серия выразительных изделий, обнаруженных крестьянами при хозяйственном строительстве³⁴. Материалы датируются развитым-поздним неолитом³⁵. Омский могильник относится к среднеиртышской неолитической культуре, отражающей начальные этапы этногенеза угро-самодийских народов Западной Сибири.

Музейная коллекция костяных изделий невелика, но в ее составе есть предметы исключительно интересные. Среди находок: односторон-

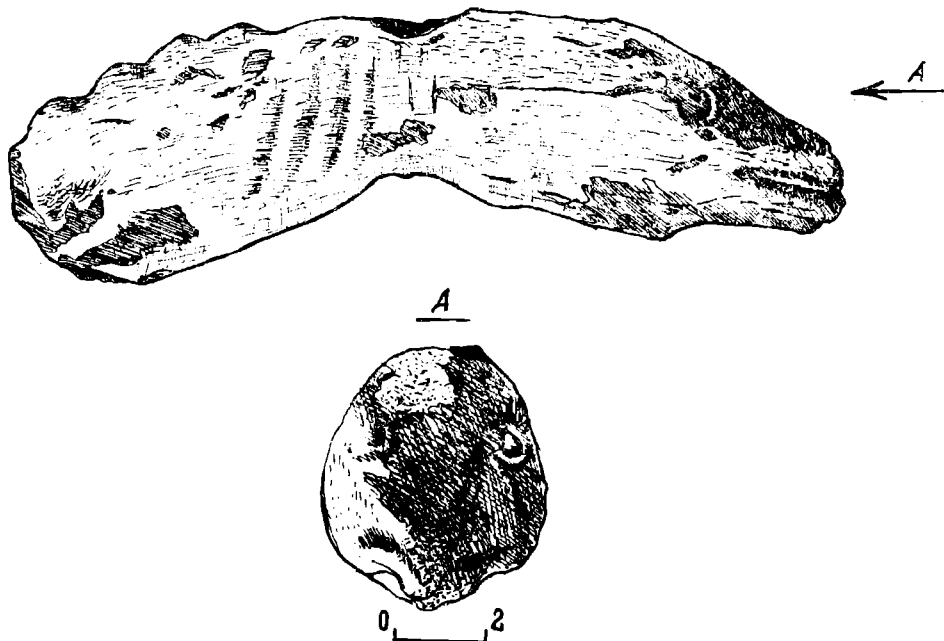


Рис. 7. Костяное скульптурное изображение с Омской стоянки (?)

ние одно- и двухзубые гарпуны с плоскими насадами, наконечники стрел, пластина из ребра животного с мелким пазом вдоль одного длинного края, обломок кости, скорее всего, ребра животного с шестью мелкими штрихованными линиями, ребро животного с полуколыцевыми вырезами на двух плоских сторонах, заготовки из лосиного рога с фигурными вырезами, а также с глубокими и узкими пазами. Вероятно, с Омской стоянкой связано и великолепное скульптурное изображение — ритуальный топор — жезл (?) с крупным сквозным овальным отверстием. Один его край оформлен в виде продолговатой головы с широким ртом и большими глазами, обозначенными с помощью «жемчужин». По гребню слегка притупленными зубцами, по-видимому, передана шерсть? позвонки?; по бокам рельефными параллельными полосами, вероятно, обозначены ребра (рис. 7).

Видовую принадлежность изображения определить непросто, т. к. выполнено оно в характерной для неолита — раннего металла стилизации³⁶. Трудно установить и функциональное назначение скульптуры, хотя ритуальный ее характер очевиден. В эпоху неолита в лесной полосе Евразии получают хождение каменные ритуальные молоты, насаживавшиеся на деревянную рукоять, один край которых оформлялся скульптурной головой лося, медведя³⁷. Одновременно по стилю и техническим деталям, даже более того по сюжету, костяная скульптура напоминает знаменитые каменные вишапы Закавказья, воспроизводящие рыб, но отличающиеся гигантскими размерами³⁸. В коллекции находится четыре целых и четыре обломка литейных форм из обожженной глины и оталькованного сланца. Все формы односторонние, прямоугольные, предназначались для отливки бронзовых четырехлепестковых украшений. Размеры 4—7,5×2,3—4,3—0,8—1,6 см.

Бронзовых изделий немного: это две лапчатые подвески ирменского типа, прямоугольная пластина с окислами железа на поверхности, однолезвийный черешковый нож с грибовидным утолщением на черешке. Лезвие и черешок имеют треугольное сечение. Кольцо — украшение из проволоки; тонкая подпрямоугольная пластина с неровными краями. Вдоль одного длинного края сохранилось четыре «жемчужины», напротив, вдоль второго края, три выгравированных тре-

угольника с заштрихованным внутренним пространством, пуговица, стержни.

Точильные камни — это прямоугольные и подпрямоугольные бруски из песчаниковых пород и алевролита, многие со следами сработанности, причем в работе постоянно находилась одна из граней бруска — широкая или узкая, на отдельных брусках имеются узкие и глубокие желобки от заточки острых предметов. Один из брусков имеет сквозное отверстие для подвешивания. Размеры брусков 3,2—9,4×2,3—3,2. Существовали в широком хронологическом диапазоне — от эпохи раннего металла до позднего средневековья.

Обломок каменного фаллоса. Овальное сечение. Длина 5,3, диам. 3,2—3,4 см. Известны в Западной Сибири в эпоху бронзы. Обломок прямоугольного камня темно-зеленого цвета. На широкой грани нанесено 10 параллельных резных линий, на боковых — одинарные и двойные резные зигзаги.

Тёсла из зеленоватого глинистого сланца, небольших размеров (2,5×1,6; 3×4,3 см). Трапециевидной формы, с отшлифованными лезвиями и гранями.

Каменное трапециевидное плоское грузило с желобком и, вероятно, отверстием для крепления к сети (часть грузила утрачена).

Плоская плитка из глинистого сланца размером 5×4,9×0,8 см. На одной ее стороне сложные узоры из прямых и фигурных линий, на обратной — две резные параллельные линии.

Глиняные сосуды: а) с низкой шейкой, слабо выраженными плечиками и с круглым дном (диам. устья 9,1, высота 6, толщина стенок 0,6 см). Внешняя поверхность подверглась грубой обработке; б) плоскодонный сосуд со следами нагара с внешней стороны; по стенкам нанесены беспорядочные налеты. Размеры: диам. устья 5,6, высота 4,5, толщина стенок 0,5 см; в) плоскодонный лепной миниатюрный горшок с резко загнутым внутрь округлым венчиком. От устья до придонной части разместилась композиция, включающая горизонтальные и косые ряды нарезок, ряд фигурного штампа, а также прочерченные линии, образующие геометрические фигуры.

Около 20 фрагментов керамики кулайского типа, украшенные традиционным узором из оттисков гребенчатого штампа, «уточки», «змейки», пояска ямок. По аналогии с кулайскими комплексами городищ Большой Лог и Сперановки у г. Омска этот материал относится к концу III—II вв. до н. э.

Несколько десятков фрагментов керамики следует связывать с потчевашской культурой второй половины I тыс. н. э. Это обломки от горшков с отогнутой шейкой, украшенных оттисками гребенки, горизонтальными желобками, пояском ямок.

Из глины вылеплено изображение человека или животного (изображение крайне стилизовано), выделены голова (морда и руки) лапы. Обжиг плохой, часть фигурки утрачена.

Обзор материалов стоянки убедительно свидетельствует об уникальном характере памятника, содержащего культурные останки от эпохи мезолита — раннего неолита и до раннего средневековья. Одна из отличительных черт Омской стоянки состоит в том, что на ней отложились слои множества культур и сообществ Западной Сибири, что обусловлено суммой экологических, экономических и исторических обстоятельств.

Учитывая слабую изученность неолита Западной Сибири, и Прииртышья в частности, необходимо поставить самостоятельную задачу системного анализа всего комплекса находок со стоянки и параллельно этому организацию постоянных разведывательно-поисковых работ в обозначенном выше районе.

- ¹ Петров А. И. На пороге земледелия и скотоводства//Таре 400 лет. Материалы научно-практической конференции.— Омск, 1994.— Ч. 2.— С. 27.
- ² Конигов Б. А. Таежное Прииртышье в X—XIII вв. н. э.— Омск: ОГПИ, 1993.
- ³ Палашенков А. Ф. Материалы к археологической карте Омска//Известия Омского отдела Географического общества СССР.— Омск, 1960.— С. 5.
- ⁴ Труды Первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда.— Новосибирск, 1927.— Т. 1.— С. 210.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Конигов Б. А. В. П. Левашова — археолог Омского краеведческого музея// Известия Омского историко-краеведческого музея.— Омск, 1994.— № 3.— С. 21.
- ⁸ Там же.— С. 25.
- ⁹ Путеводитель по археологическому отделению.— Омск, 1928.
- ¹⁰ Там же.— С. 6.
- ¹¹ Конигов Б. А., В. П. Левашова — археолог Омского краеведческого музея.— С. 25.
- ¹² Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья//МИА, М.: Наука, 1953.— № 35.— С. 57.
- ¹³ Чернецов В. Н. Результаты археологической разведки в Омской области// КСИИМК. М.: Наука, 1947.— Вып. XVII.— С. 81.
- ¹⁴ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья.— С. 57.
- ¹⁵ Грязнов М. П. Костяное орудие палеолитического времени из Западной Сибири//КСИИМК. М.: Наука, 1950.— Вып. 31.
- ¹⁶ Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири.— Новосибирск: Наука, 1985.
- ¹⁷ Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья//МИА, М.: Наука, 1953.— № 35.— С. 278.
- ¹⁸ Старков В. Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья.— М.: Наука, 1980; Эпоха бронзы лесной полосы СССР//Археология СССР.— М.: Наука, 1987.
- ¹⁹ Петров А. И. Памятники каменного века в степном Прииртышье//Этнокультурные явления в Западной Сибири.— Томск: ТГУ, 1978.
- ²⁰ Старков В. Ф. Указ. соч.— С. 28.
- ²¹ Матущенко В. И., Синицына Г. В. Могильник у деревни Ростовка вблизи Омска.— Томск: ТГУ, 1988.— С. 124.
- ²² Эпоха бронзы лесной полосы СССР... Рис. 90.; Молодин В. И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья.— Новосибирск: Наука, 1977.
- ²³ Погребения 1,4 и 5 — разрушенные погребения.
- ²⁴ Определения научного сотрудника Института проблем освоения Севера СО РАН, к. и. н. А. Н. Багашова.
- ²⁵ Петров А. И. Памятники каменного века в степном Прииртышье...— С. 10.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Чернышов Н. А. Кузнецкий неолитический могильник//МИА, М.; Л.: Наука, 1953.— № 39.— С. 336.
- ²⁸ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья//МИА, М.; Л.: Наука, 1950.— № 18.— С. 336.
- ²⁹ Каменный век на территории СССР.— М.: Наука, 1970.
- ³⁰ Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балужева Т. С. Неолитические могильники Северной Барабы.— Новосибирск: Наука, 1989.— С. 28.
- ³¹ Там же.— С. 13—14.
- ³² Там же.— С. 18.
- ³³ Старков В. Ф. Указ. соч.— С. 207.
- ³⁴ Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья...— С. 34.
- ³⁵ Полосьмак Н. В., Чикишева Т. А., Балужева Т. С.— Указ. соч.— С. 18.
- ³⁶ Так же «нечитаемы» каменные изображения животных из могильника Усть-Куренга.
- ³⁷ История искусства народов СССР.— М.: Изобразительное искусство, 1971.— С. 67.
- ³⁸ Там же.— Рис. 40.

ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННОЕ РАЗВИТИЕ ОМСКА В XIX в.

Тема экономического развития Омска в XIX в. еще не стала предметом пристального внимания историков. Торгово-промышленное развитие города попутно освещалось лишь в работах общего характера. Предлагаемое исследование преследует цель охарактеризовать развитие омской промышленности и торговли.

Омск, являясь в XIX в. одним из главных административных центров Сибири, играл очень скромную роль в экономическом развитии края. Однако развитие торгового капитала в Среднем Прииртышье постепенно создавало и здесь непосредственные предпосылки для возникновения обрабатывающей промышленности. Омск по своему административному положению и экономически тяготел к степным районам, где скотоводство и связанные с ним занятия являлись основным родом деятельности местного населения. Поэтому преимущественное развитие в структуре городского производства получили предприятия по обработке продукции сельского хозяйства.

Первые предприятия обрабатывающей промышленности появились в Омске в 20-е гг. XIX в. В 1822 г. была открыта суконная фабрика Сибирского казачьего войска. В 1826 г. у казаков, живших в Омске, были 6 кожевенных, мыловаренных и салотопенных «заводов»¹. «Промышленные» предприятия, владельцами которых были купцы и мещане, появились в Омске только в 30-е гг. XIX в. В 1831 г. в городе было учтено 17 «заводов». По сути это были небольшие кустарные мастерские, на большинстве которых работали сами хозяева, а на остальных было занято 14 наемных рабочих из мещан и ссыльных².

Самым крупным предприятием Омска и одним из самых крупных промышленных заведений Западной Сибири первой половины XIX в. была суконная фабрика Сибирского казачьего линейного войска, созданная по инициативе генерал-губернатора Западной Сибири П. М. Капцевича. Ее создание соответствовало «Манифесту о суконных фабриках 1810 г.», в котором говорилось: «...Состояние суконных фабрик по тесной связи их как с частной промышленностью, так и особенно с потребностями армии всегда было предметом отличного внимания правительства... Признано было по сему нужным поручить особенному комитету исследовать неудобства сим по всем пространстве и положить по мере способы к лучшему сея части будущее время устроению»³.

Фабрика была сооружена за счет средств казачьего линейного войска. Первоначально для фабрики было возведено главное на каменном фундаменте здание в 57 сажень в длину и 16 сажень в ширину. Валка сукон осуществлялась на 5 сукновальных мельницах с 20 валяльными ступами. Для красильни было возведено особое здание на берегу Иртыша. Прядильные машины были выписаны из Москвы, каждая с 30 веретенами. Трепальные, чесальные и пристригальные машины были сделаны в Омске по английским образцам⁴.

Первые три года всеми работами на фабрике руководил мастер И. Я. Сахаров. Он происходил из тульских мастеровых и еще в 90-х гг. XVIII в. был сослан в Сибирь. В Омск он был прислан с семьей по требованию сибирской администрации. Сахаров организовал производство на фабрике, обучил разным ремеслам до 350 ссыльных. В 1826 г. ему по представлению войскового начальства были возвращены все гражданские права. Директором фабрики был назначен есаул Кононов. В 1825 г. на фабрику прибыл второй мастер Миронов, долгое время бывший единственным вольным человеком на предприятии. Ему было поручено техническое руководство фабрикой. По условиям контракта он получал большое денежное жалование — 1500 руб. в год. Кроме того, Миронову предоставлялось хлебное жалование, квартира с отоплением и освещением, его семье войсковое правление обязывалось оказывать бесплатную медицинскую помощь⁵.

Для обеспечения фабрики сырьем в казачьих станицах были заведены овчарни, но их содержание оказалось убыточным, и через три года они были ликвидированы. Шерсть для фабрики стала закупаться с торгов. Первоначально в работу по производству сукна было запущено 2 стана, потом их число постоянно увеличивалось, и в 1839 г. действовало уже 50 станов. В 1839 г. во время пожара главное здание фабрики сгорело, вместо него было построено новое каменное здание⁶.

Продукция фабрики почти без исключения шла на нужды казачьего войска. Фабрика не давала дохода, но и не приносила войсковой казне убытков. В 1826 г. на ней работали 226 рабочих, преимущественно из числа ссыльных крестьян. За свой труд они получали сдельную оплату, кроме того, в день им выдавалось по фунту мяса и разрешалось иметь личное подсобное хозяйство. В 1827 г. на фабрике было выткано сукон разных цветов 31407 аршин, в 1828—1833 гг.—33412 аршин⁷.

Суконная фабрика была связана с жизнью города не главными, а второстепенными, побочными сторонами, в силу этого ее влияние на городскую жизнь и промышленность было ослаблено. Специфический характер фабрики оказывал на городскую жизнь скорее тормозящее воздействие. По сути дела, закрепощенное состояние рабочих изымало их из нормальных условий городской жизни.

Омская суконная фабрика не могла выдержать конкуренции текстильных предприятий Европейской России, где вводились новейшие шпальные, чесальные, стригальные и набивные машины, приборы, называемые континю, мюльжени, в 300 и более веретен и лучшие апретурные снаряды. На крупных ткацких предприятиях уже использовались паровые двигатели и применялся наемный труд. В 1861 г. фабрика была закрыта.

Основная масса омских «промышленных» заведений в первой половине XIX в. находилась на стадии мелкотоварного производства и ремесла. Одной из главных причин преобладания мелкотоварного производства было отсутствие в городе крупных капиталов и слабое воздействие торговли на развитие материального производства. Избыток торговых возможностей, неэквивалентный обмен с Европейской Россией, ростовщичество — все это тормозило перерастание торгового капитала в промышленный. Очень большим тормозом для развития промышленности в городе были узость рынка рабочей силы, дороговизна оборудования и сырья.

Малочисленные омские предприятия не могли конкурировать с продукцией российских фабрик и заводов. Они создавались лишь в тех отраслях производства, которые были тесно связаны с местной сырьевой базой и обслуживали местный рынок. Лучшее всего этим условиям в Омске отвечали производства, основанные на переработке продукции сельского хозяйства: кож, говяжьего и бараньего сала, зерновых культур. Примитивная технология привлекала сюда, как правило, мелкие капиталы. В этих отраслях почти не было разделения труда,

и по своей экономической форме они представляли скорее простую капиталистическую кооперацию.

Благоприятные условия для создания в городе предприятий по выделке кож и переработке сала создавало успешно развивавшееся в окрестностях Омска скотоводство.

Омские салотопенные «заводы» представляли собой деревянные сараи с полом из плах. У стен под полом устанавливались очаги со вделанными в них котлами из массивного железа, а посреди помещения находились 1—2 деревянных ларя, в которые сливалось для охлаждения растопленное и отстоявшееся в котлах сало. Сами котлы были вделаны в печи таким образом, что кромки их приходились в уровень с поверхностью пола, а над полом для увеличения ёмкости котлов приделывались небольшие надставки. Котлы вместе с надставками вмещали в себя 150—300 пудов сырого сала. Выработанный продукт был предметом вывоза на Ишимскую ярмарку, а также служил для приготовления свечей и мыла. Во второй половине XIX в. салотопенные заведения стали поставлять сало для свечно-стеариновых заводов Екатеринбург и Казани.

Омские кожевенные «заводы» состояли из зданий для золки и дубления кож, окончательной отделки, амбаров и погребов для хранения сырья, навеса для сушки кож, сушильни и толчеи для тальниковой коры (которая в Омске употреблялась для дубления кож вместо дуба).

Способ обработки кож был от начала до конца ручным. Весь инвентарь «заводов» исчерпывался большим или меньшим количеством всевозможного назначения чанов (мочильных, кисельных, зольных, дубильных и т. д.). Способ обработки был предельно прост. Сырые кожи поступали в мочильные чаны, их наполняли холодной водой, в которой растворяли поваренную соль (5 пудов на 100 кож). Кожи в этой жидкости лежали до 6 дней, за это время несколько раз вынимались и разминались. Из мочильных чанов они поступали в зольные чаны, в которых подвергались действию водного раствора негашеной извести, золы, поташа и соды. В этом растворе кожи лежали до 24 дней, но на 14-й день временно вынимались, выполаскивались, с них снималась шерсть. Затем они вынимались из чанов окончательно, мясная сторона кож поверхностно острагивалась и смазывалась (для этого употреблялись длинные ножи, с двумя ручками на концах, так называемые «струги»). После этого удалялась известь путем разминания кож в корытах с водой. Для окончательного удаления извести кожи поступали в хлебные и квасильные чаны на 12 часов (состав жидкости — 2—3 пуда ржаной муки и 1 пуд соли на 100 кож), т. е. кожи подвергались воздействию слабой кислоты (кваса). Далее начиналось дубление кож, они поступали в «соковые» чаны и, наконец, в дубильные, где лежали 40 дней. В дубильных чанах кожи в растянутом виде накладывались одна на другую и каждая посыпалась слоем толчеи из тальника. Каждые 10 дней кожи перекадывались. При окончательной отделке кожи высушивались, смазывались дегтем, окрашивались сандалом. Большая часть кож, выработанных на омских «заводах», отправлялась на Никольскую ярмарку в г. Ишим.

Салотопенные и кожевенные «заводы» стояли на одном из первых мест в Омске по стоимости выпускаемой продукции, однако это было следствием их многочисленности. Каждый из них вырабатывал товаров не более чем на 10 тыс. руб.

На переработке продукции животноводства специализировались свечные и мыловаренные предприятия. Восковые и сальные свечи пользовались в Омске очень большим спросом, их закупали местные жители, церковные и государственные учреждения. Сырьем для производства сальных свечей служило сало, выпускаемое омскими салотопенными заведениями. Для производства восковых свечей в Бухтарме и Усть-Каменогорском уезде закупался белый и желтый пчелиный воск.

Оборудование свечных предприятий состояло из печей, котлов и леек. Предприятие обыкновенно находилось в одном здании. Технология производства была очень проста: воск или сало растоплялись в котлах и разливались по ячейкам; наемный труд на свечных «заводах» почти не применялся.

Омские мыловарни выпускали исключительно содовое мыло. Оборудование мыловарен состояло из печей, котлов и форм, сырьем служили сало, соль и пальмовая сода. Как правило, мастером на мыловарне был сам хозяин, работа производилась с помощью 2—3 наемных рабочих. Мыло, выпущенное на омских «заводах», значительно уступало по своему качеству мылу, выпущенному в Европейской России, поэтому за пределы города почти не вывозилось.

В середине XIX в. усилилось переселение в Сибирь крестьян из Европейской России. Свыше 6 тысяч мужских душ из числа переселенцев осело в Омском округе, из них более половины — в окрестностях Омска. Здесь в 1852—1853 гг. появились д. Надеждина, Любина, Николаевка, Троицкая, Александровка. По сообщению Омского окружного управления, в Омском округе можно было заготовить ржаной муки 9445 пудов, ржи — 1000, круп ячменных — 805, овсяных — 18009 пудов⁸. С 1838 по 1857 г. население Омского округа увеличилось с 84 до 180 тыс. человек. В пригородных волостях за это время население увеличилось: в Кулачинской — с 1308 до 3023 душ мужского пола, в Сыропятской — с 1533 до 3372 душ мужского пола. Водворенные возле Омска переселенцы, прибывшие из малоземельных Воронежской и Курской губерний, энергично взялись за обработку новых земель. Уже в первые годы переселенцы имели в среднем по семь десятин посева на семью, что значительно увеличивало привоз в город продукции сельского хозяйства⁹.

Земледельческое развитие округа создавало благоприятные условия для появления в Омске предприятий мануфактурного и фабричного типа. Во второй половине XIX в. в городе появляются мельницы нового типа — крупчатые или крупчатки. Их называли также «крупчатыми заведениями». На этих мельницах перерабатывали пшеницу в белую муку — крупчатку. Первая паровая мельница была построена на земле Омской станицы купцом Е. Пахотиным. Паровая мельница Пахотина была по сути фабричным предприятием, на ней был занят 21 наемный рабочий. В 1881 г. на мельнице было помолото муки на общую сумму 16000 руб.¹⁰.

С 60-х гг. XIX в. в Омске начинает также развиваться винокуренное и водочное производство. Появление в городе винокуренных предприятий было связано с отменой в 1863 г. откупов и заменой их акцизом. Акцизная система заключалась в том, что регламентированному обложению (акцизу) подлежало производство спирта в условно предполагаемом количестве. Оно определялось по роду употребляемого сырья и объему квасильных чанов. Нормы выхода продукции не были едиными. Выбор нормы был отдан на усмотрение заводчика. Лишний против нормы спирт облагался акцизом не полностью, что делало его производство очень выгодным делом. В 60-е гг. прошлого века в Омске появились винокуренные и водочные заводы, принадлежащие городскому голове, почетному гражданину И. В. Кузнецову, вдове подполковника С. В. Губарь, действительному статскому советнику А. Ф. Поклевскому-Козелл. Организация производства водок и спирта не требовала больших затрат. Водочный завод А. Ф. Поклевского-Козелл содержался по свидетельству второй гильдии, производил водки горькие и сладкие 1-го и 2-го сортов и наливки 1, 2 и 3-го сортов. На заводе работало 4 наемных рабочих с месячной заработной платой в 15 руб. Завод действовал посредством одного перегонного куба, продукция сбывалась в Омске, Тюкалинском и Тарском округах. Для работы завода в год употреблялось дров от 40 до 50 сажень на сумму

до 150 руб. Производство осуществлялось непрерывно в течение года¹¹.

Винокуренные и водочные заводы уже к 70-м гг. XIX в. стали самыми крупными предприятиями в городе по сумме выпускаемой продукции в стоимостном выражении. В 1874 г. 25 омских «заводов» выпустили продукции на общую сумму 153663 руб., из них водочный и винокуренные заводы И. В. Кузнецова дали продукции на сумму 75673 руб., т. е. почти половину¹².

С переработкой сырья были связаны пиво-медоваренные заводы. Омские пиво-медоваренные заводы занимались изготовлением пива и меда. В составе оборудования пиво-медоварен были чаны и котлы, вделанные в печные кладки. Сырьевыми материалами служили солод, хмель и мед. Хмель выписывался из Европейской России, мед доставлялся из Бухтармы. Пиво-медоварни выпускали мед и пиво, которые вследствие быстрой порчи требовали краткосрочной реализации только на омском рынке.

Кроме вышеперечисленных производств в Омске в разное время в XIX в. существовали маслособойное (выделка конопляного масла), гончарное, дрожжевое, паточное производства. Короткое время в городе действовала табачная фабрика И. В. Кузнецова, сырье для которой выписывалось из Европейской России.

В целом на протяжении XIX в. наблюдался количественный рост промышленных заведений в Омске, однако этот процесс имел волнообразный характер, обусловленный неустойчивостью мелких предприятий. Представление о числе промышленных предприятий дает следующая таблица¹³.

Таблица 1

Количество предприятий обрабатывающей промышленности в Омске в XIX в.

Годы	Кол-во предприятий
1825	8
1831	10
1842	15
1850	13
1858	27
1875	32
1878	27
1888	16

Владельцы омских предприятий, не имея возможности самим реализовывать выпущенную продукцию, попадали в зависимость от скупщиков. Не располагая большими капиталами, они были вынуждены доставать средства на расширение производства и закуп сырья под большие проценты у ростовщиков. Производители полностью зависели от рыночной конъюнктуры. Продукция местных «заводов» часто не имела сбыта. Это происходило не только из-за затруднений в перевозке, но и из-за низкого качества товаров. Местная выделка спирта, свеч, мыла, несмотря на дешевизну сырья, не могла конкурировать с товарами, производимыми в Европейской России.

Сумму выпускаемой продукции в стоимостном выражении и количестве рабочих, занятых на омских предприятиях во второй половине XIX в. до строительства Транссибирской магистрали, показывает следующая таблица¹⁴.

Сумма выпускаемой продукции и количество рабочих
на омских предприятиях

Годы	Кол-во заводов	Сумма выпускаемой продукции (руб.)	Кол-во рабочих
1858	27	58544	175
1865	32	71181	171
1878	27	323179	228
1881	16	193631	159
1892	28	97600	134

В первую половину XIX в. большую часть промышленной продукции Омска давали суконная фабрика, кожевенные и салотопенные «заводы». В начале 60-х гг. из-за закрытия суконной фабрики объемы выпускаемой продукции сократились. В 60—70-е гг. более трети всего производства в городе давало винокурение. В 1878 г. на омских предприятиях при 228 наемных рабочих было произведено продукции на 323179 руб., из них винокуренный завод с 90 рабочими и одним мастером дал продукции на 66171 руб., два водочных завода — на 72375 руб.¹⁵.

В конце 80-х гг. в связи с закрытием винокуренного и водочного заводов промышленное производство упало до уровня 60-х гг. В 1889 г. на 27 омских заводах было выпущено продукции на общую сумму 93728 руб., в 1891 г. 36 омских предприятий со 155 наемными рабочими выпустили продукции на 60841 руб.¹⁶.

Количество наемных рабочих, занятых на омских предприятиях, не увеличилось во второй половине XIX в., а в конце 80-х — начале 90-х гг. даже сократилось.

Кроме предприятий обрабатывающей промышленности, в Омске работали ремесленники разных специальностей. Самыми распространенными из ремесел были кузнечное, плотничное, столярное, сапожное; в городе было много портных и прачек. Среди ремесленников были также слесари, скорняки, кожевенники. В 1881 г. в Омске было 595 ремесленников. Среди них были ремесленники-одиночки и хозяева мастерских, применявшие наемный труд. Городские ремесленники по характеру работы делились на цехи: медяный, столярный, плотничный, скорняжный, сапожный, портновский, маркитантский, кирпичный.

Кузнечный цех составляли кузнецы и слесари. Омские кузницы представляли собой мельчайшие заведения, базировавшиеся на семейной кооперации. В производстве было занято не более 2—3 человек. Наемный труд практически не применялся. Работа омских кузнецов в XIX в. делилась как бы на две части. Летом, весной и осенью кузнецы работали в своих кузницах свободно, ни от кого не завися. Они подковывали лошадей, оковывали колеса, чинили экипажи — таких дел было много в чиновничьем городе. Но зимой кузнецы пререклялись на ковку гвоздей и вместе с тем теряли свою специальность: они делались работниками на дому, выполняющими заказы торговцев-предпринимателей, торгующих железом. Кузнецы получали сырье у определенного продавца, плата за их труд устанавливалась заранее, тому же продавцу они возвращали определенный товар, чаще всего гвозди. Инструменты и оборудование кузниц принадлежали кузнецам, но стоимость их была незначительной. Производство гвоздей по этим признакам являлось рассеянной мануфактурой.

К кирпичному цеху относились каменщики и печники. Будучи одним из самых крупных городов Сибири, Омск остро нуждался в строительных материалах. Начиная с 20-х гг. XIX в. в городе появляются частные предприятия по выделке кирпича. Для кирпичных «заводов» было характерно то, что работали они только в теплое время года, работа на них была сезонной. Крупные производства по выделке кирпи-

ча организовывались омскими и иногородними купцами по заказу администрации для строительства государственных учреждений. В составе оборудования кирпичных «заводов» были печи, бочки и станки. Выделка кирпича производилась в обычных сараях, которые строились по берегу Оми. Глина и песок добывались рядом с сараями по сушке сырца. Поодаль от сараев, во избежание пожара, ставились печи для обжига кирпича.

Медяный цех составляли кровельщики. К столярному относились столяры, токари, обойщики; к плотничному — плотники и пильщики. Состав маркитантского цеха был очень разнообразен, к нему относились булочники, колбасники, цирюльники, трубочисты и т. д.

Цехи сибирских городов не были замкнутой корпорацией — доступ и выход из них не составлял особых затруднений. Цеховые делились на мастеров, подмастерьев и учеников. Звание мастеров получали ремесленники, выдержавшие специальные испытания при ремесленной управе. Перед этим мастер работал сначала учеником, а затем подмастерьем. Ремесленники работали либо сами, либо, владея мелкими мастерскими, эксплуатировали труд подмастерьев, учеников и наемных рабочих.

Омские ремесленники работали по заказам потребителей, не имея достаточных капиталов, они не имели также лавок и магазинов для продажи своих изделий. Свои денежные средства ремесленники тратили лишь на оплату труда работников и содержание учеников. Заказчики, с которыми имели дело ремесленники, были не только непосредственные потребители ремесленных изделий, но и торговцы. Они к тому же финансировали производство, снабжая сырьем непосредственных производителей.

С развитием товарно-денежных отношений ремесленники попадали в зависимость от скупщиков, которые часто закабалили их путем ростовщического кредитования деньгами и материалами при условии оплаты изделиями по пониженным ценам.

Характеризуя промышленное развитие Омска XIX в., необходимо отметить, что, несмотря на известное отставание, обусловленное учрежденческим характером города, относительно замкнутой зоной экономического развития, ему были присущи общие черты, характерные для других сибирских городов этого периода. Торговая сфера, как и торговый капитал, были преобладающими в городской экономике. Промышленные предприятия, небольшие по своим размерам, главным образом ремесленного, мелкотоварного типа, стимулировались и подпитывались сельскими промыслами, которые нередко становились производственной ячейкой городских предприятий, перерастая таким образом в рассеянную мануфактуру.

Главной фигурой среди городских промышленников Омска XIX в. был мелкий производитель, хозяйственное положение которого определялось взаимоотношением со скупщиком. Со временем их связь укреплялась, а усиление зависимости производителя от скупщика в перспективе вело к потере производителем самостоятельности и переходе промышленности на новую ступень развития. Эксплуатация скупщиком производителя отражала факт проникновения капиталистических отношений в докапиталистический уклад городской промышленности.

При анализе деятельности омских «заводов» бросается в глаза небольшая разница в стоимости готовой продукции и сырья (20—30%). Затраты на основной капитал предприятий (промышленное оборудование, помещения и т. д.) даже не учитывались в исчислениях. Оборудование, применявшееся при ручном труде, было настолько примитивно, что дополнительные расходы на его пополнение и обновление умещались в «прочие расходы» или доход предприятия.

Удельный вес заработной платы в затратах был невелик, пропорциональное соотношение между стоимостью сырья и суммой заработной платы выражалось отношением 5:1, это во многом объяснялось

массой сырья, проходившего через несложный технологический процесс. Норма прибавочной стоимости на омских «заводах» была также велика, ее размер доходил до 90%. Производительность предприятий в основном соответствовала численности рабочих. Предприятия с числом рабочих до пяти человек имели превышение цены готовой продукции над стоимостью сырья не более чем в 2 тыс. руб.

Отсутствие в Омске крупных производств, административный характер города во многом определили слабое развитие торговой жизни города на Иртыше в XIX в. В отчете за 1805 г. сообщалось, что омские купцы и мещане занимались исключительно «торговлей мелочными товарами, почти не имея увеличения капиталов». Одной из причин слабого развития городской торговли в XIX в. было географически невыгодное положение Омска. Город был исключительно транзитным пунктом, через который шли товары от Тобольска и Тары на крепости Семипалатинскую, Бухтарминскую и Усть-Каменогорскую.

В начале XIX в. в Сибирь из Европейской России вели три дороги — Ирбитская, Екатеринбургская и Шадринская, которые в районе Тюмени сливались в один Московско-Сибирский тракт. Однако этот тракт обходил Омск стороной. В 1838 г. тракт был выправлен (оставив в стороне Тобольск, дорога из Екатеринбурга шла прямо на Тюмень, Ялуторовск и Ишим), но обозное движение по-прежнему обходило город на расстоянии до 50 верст, примерно там, где сейчас находится с. Красноярка¹⁷. В 1840 г. омичи обращались к генерал-губернатору Западной Сибири Горчакову с просьбой изменить направление Иркутского коммерческого тракта, шедшего через Бекишево, Сухое и Краснояское, проложив его через Бекишево, Замиралово, Воровское и рудут Мельничный на Омск¹⁸. Первоначально администрация оставила просьбу омичей без внимания. Только во второй половине XIX в. главный почтовый тракт был перенесен от Тюмени на Ялуторовск, Ишим и Омск¹⁹. В 80-е гг., кроме почтовой Московской дороги, через Омск шли Захламинская, Полковая, Пинигина, Сыропятская и Томская дороги²⁰.

Небольшие торговые преимущества Омску давал Линейный тракт, проходивший от Оренбурга до Омска по Горькой линии, по Иртышской линии на Семипалатинск, Бийск и Барнаул.

Водный путь, который дополнял, а на отдельных участках заменял Московско-Сибирский тракт, также вплоть до 60-х гг. XIX в. обходил Омск стороной. Основной водный путь начинался от р. Ницы, шел по Туре и Тоболу, а от низовьев Иртыша продолжался по Оби и ее притоку Томи. Пароходное движение по Среднему Иртышу началось только в 1861 г., когда из Тобольска в Коряковский форпост (Павлодар) прошел за солью пароход купца Бернса. По пути он останавливался у причалов Омской пристани. В следующем году пароход тюменской судовладельческой компании Поклевского-Козелл поднялся до Семипалатинска²¹.

В XIX в. купцы из Европейской России не стремились открывать в сибирских городах торговые конторы, скупать через них товары и учреждать склады, а ограничивались сбытом товаров сибирским купцам на Нижегородской и Ирбитской ярмарках. Грузы направлялись в Сибирь во время навигации по Каме и сибирским рекам. От устья Тобола грузы из Европейской России распределялись по двум направлениям: в сторону верховьев Иртыша (около 25%) и в сторону Оби (около 75% грузов). По Иртышу грузы направлялись в Тару, Омск, Петропавловск и Семипалатинск. Движение сибирских товаров совершалось по тем же путям, только в обратную сторону²². Торговлю могли вести лишь оптовики, осуществлявшие закупку товаров и из центральных складов в Сибири (преимущественно тюменских) распределявшие свои товары между мелкими торговцами.

До строительства железной дороги роль главных двигателей сибирской торговли играли ярмарки. Ярмарочная торговля вследствие

особых географических условий, недостаточности удобных путей сообщения и затруднительности транспортировки грузов имела громадное значение²³. На ярмарки стекались товары и капиталы с очень больших районов. Как покупатели, так и продавцы жили от ярмарки до ярмарки.

Ярмарочная торговля в Омске по сравнению с другими городами России имела своеобразный характер. Она при непосредственном отношении сторон имела скорее характер обмена, чем денежного рынка. Предметы ярмарочной торговли условно можно было разделить на пять категорий: 1) скот; 2) продукция животноводства (кожи, сало, шерсть); 3) продукты питания; 4) азиатские товары (халаты, ковры, одеяла, ткани, чай); 5) европейские товары (фабрично-заводские изделия).

Ежегодно в Омске проводилось две ярмарки: весенняя Троицкая и осенняя Введенская. Весенняя влачила жалкое существование и во второй половине XIX в. перестала созываться. Немногим лучше шли дела на осенней ярмарке, этому способствовало то, что осенью в город начинала поступать продукция животноводства, прежде всего, жировые товары. Однако иногородние купцы на Введенскую ярмарку почти не приезжали. Главной причиной небольших торговых оборотов ярмарки был неудачный выбор времени ее работы (28 ноября). С началом Введенской ярмарки совпадала ярмарка в станице Черлаковской (119 верст от Омска), куда даже из окрестностей Омска крестьяне везли свои кожевенные и жировые товары. На Введенскую ярмарку везли лишь то, что не могли продать в станице Черлаковской. Иногородние купцы не ездили на ярмарку в Омск еще потому, что боялись опоздать на более значительную ярмарку в г. Ишиме (1 декабря)²⁴. Поэтому ярмарка не выделялась величиной своих оборотов, приезжавшие для участия в ней торговцы в середине XIX в. занимали до 10 лавок²⁵. В 1854 г. на Введенскую ярмарку было привезено товаров на общую сумму 254 тыс. руб.²⁶. В дальнейшем привоз на ярмарку не увеличивался, а даже сокращался. На Введенскую ярмарку 1875 г. было привезено товаров на сумму 164 тыс. руб., а было продано на 42 820 руб. Для сравнения укажем, что обороты ишимских ярмарок в 1875 г. превышали 15 млн. руб.²⁷. В 80-е гг. привоз продукции животноводства на ярмарку сократился, но увеличился привоз товаров фабрично-заводского производства из Европейской России, которые имели потенциальных покупателей среди жителей чиновничьего города. В 1881 г. на ярмарку было привезено животноводческой продукции на 34 550 руб. и на 144 500 руб. фабрично-заводских изделий²⁸.

Ярмарки снабжали товарами городскую торговлю, они были посредниками между Сибирью и Европейской Россией. Городская торговля была вторым звеном в цепи этого посредничества. Она распределяла закупленные на ярмарках товары между окрестными населенными пунктами.

В первой половине XIX в. сибирская администрация старалась увеличить размеры омской торговли: по императорскому указу от 8 ноября 1839 г. в Омск вслед за Железинской таможенной заставой была переведена Бухтарминская таможня 3-го класса со штатом служащих в 18 человек²⁹. В начале 40-х гг. обороты Омской таможни составляли в среднем около 100 тыс. руб. В 1845 г. был самый высокий сбор с оборотов Омской таможни, который составил 16 639 руб. серебром. Затем он с каждым годом стал уменьшаться и в 1848 г. составил всего 1190 руб. В то же время только на содержание таможни ежегодно тратилось 3850 руб. Поэтому в 1849 г. сибирская администрация была вынуждена принять решение об упразднении Омской таможни и реорганизации ее в таможенную заставу³⁰.

Военно-административный характер города определил основные виды торговли омского купечества: с одной стороны, это была торговля «панскими» товарами, с другой — торговля жировыми и кожевен-

ными товарами, закуп которых осуществлялся в казахской степи и окрестностях Омска. Во второй половине XIX в. в Омском округе стала быстро развиваться хлебная торговля.

До строительства железной дороги в Омске не было крупных торговых фирм. Купцы первой гильдии появились в городе лишь во второй половине XIX в. В 1825 г. в Омске было только 7 купеческих капиталов 3-й гильдии, в то время как в Таре их было 12, в Тюмени — 62. Объявленный омскими купцами капитал составлял 56 тыс. руб., тарскими — 158 тыс. руб., тюменскими — 516 тыс. руб.³¹

Омские купцы XIX в. были купцами докапиталистического склада, той поры, когда капитал выступал в роли денег как товарно-торговый и денежно-торговый. Купеческий капитал укреплялся и возрастал путем эксплуатации непосредственного производителя, присваивая себе часть прибавочного продукта, получаемого от труда окрестных крестьян, скотоводов-кочевников и мелких промышленников. С омскими купцами были вынуждены делиться своими доходами чиновники и военные. Омские торговцы, лишённые непосредственной связи с производством, могли строить свое благополучие только на основе ограбления продавца и покупателя. Специфические условия «чиновничьего города» делали этот грабёж «нормальным» явлением и обеспечивали купцам сравнительно высокую прибыль.

Плохое состояние путей сообщения и недостаточность капиталов приводили к тому, что производители не могли продавать свой товар там, где он был дороже, и покупать необходимое там, где цены были ниже. Неравенство цен по отдельным даже близким областям обеспечивало возможность неэквивалентного обмена. Все это усиливалось слабостью торговых связей. Индивидуальное предпринимательство было сковано общинной порукой. Для того чтобы заключить договор о поставке товара в казну, торговец должен был представить «одобрение» от городского общества и, кроме того, поручителей за себя. Купечество города материально отвечало за выполнение подрядчиком обязательств. Материальная ответственность заставляла купцов осторожно относиться к выдаче одобрений, и когда уверенности в предпринимателе не было, ему отказывали.

К 40-м гг. XIX в. в Омске возникла постоянная лавочная торговля, где роль купцов была гораздо более значительна, чем на сибирских ярмарках. В эти годы были построены принадлежащие городу торговые ряды, где круглый год перепродавались разнообразные товары, в большей доле приобретенные омскими торговцами на сибирских ярмарках. Но не следует преувеличивать степень развития омской торговли. Городские торговые предприятия в середине XIX в. представляли собой лавки с небольшими торговыми оборотами. В 40-е гг. наличность товаров в лавках составляла всего 160 тыс. руб., а торговые обороты — 223 тыс. руб., т. е. капитал в течение года успевал обернуться только в 1,4 раза. Причины медленного движения капиталов объяснялись тем, что товары закупались на целый год на сибирских ярмарках и доставлялись в Омск санным путем. Доставка грузов в Омск из Тюмени обходилась в 40 коп. за пуд, из Ирбита — в 50 коп. К этим суммам прибавлялась прибыль местных купцов и проценты, налагаемые российскими купцами, продававшими товар в долг до следующей ярмарки³².

Производить обмен товарами омские купцы не могли, дороговизна доставки препятствовала вывозу из Сибири многих видов сырья, дорожные расходы так поднимали цены на них, что российским купцам было выгоднее покупать их в Европейской России.

Из-за медленных торговых оборотов, вызванных таким характером торговли, ежегодно требовался долгосрочный кредит на 9—12 месяцев. Он давался кредиторами только самым надежным торговцам. В деятельности купцов и мещан кредит занимал большое место: они давали в долг несколько рублей и одновременно сами были должни-

ками более крупных ростовщиков. Ссуды давались раздробленно многим кредиторам. Вексельно-кредитные операции являлись одной из распространенных форм эксплуатации мелких торговцев со стороны богатых купцов. Городской общественный банк, который был открыт в 1875 г., с основным капиталом в 10 тыс. руб. мало изменил положение, т. к. давал кредиты наиболее богатым и надежным предпринимателям. Действуя на началах перекупки, лавочники в свои обороты сравнительно мало включали товаров местного производства. Они ограничивались продажей в Омске закупленного на сибирских ярмарках по цене во много раз превышающей первоначальную. Со своей стороны, скупщики местной омской продукции оставляли для распродажи в городе худшие сорта товаров, спеша продать основную часть скупленных товаров на сибирских ярмарках.

Омские купцы не стремились влиять на всероссийский рынок, а лишь удовлетворяли потребности местного населения. Имея постоянных покупателей в лице живущих на жалование чиновников, омские купцы начали создавать во второй половине XIX в. развитую систему стационарной торговли, главные звенья которой (оптовый, розничный и мелочный торг) находились в тесной взаимосвязи и полностью удовлетворяли покупательный спрос городского населения. Оптовая торговля производилась из амбаров, складов, возов, судов и состояла в продаже товаров партиями торговцам, ведущим мелочный и розничный торг. Розничная торговля вела раздробленную продажу предметов потребления с лотков, ларей и столов, развозную и разносную торговлю мануфактурными и колониальными товарами.

Во второй половине XIX в. с усилением колонизации региона более широкий размах начала приобретать базарная торговля. Базарная торговля отличалась от ярмарочной тем, что на базарах разрешалась торговля только продукцией сельского хозяйства, тогда как на ярмарках разрешалась только продажа промышленных изделий.

Городской рынок находился в Нагорной части города, базары проводились в Омске три раза в неделю. Большой административный центр был емким потребителем сельскохозяйственной продукции. Помимо хлеба в зерне, крестьяне торговали молочными продуктами, живностью, ягодами, зеленью и дичью.

Базарная торговля поощрялась администрацией как способ снабжения населения продуктами из рук непосредственных производителей-крестьян. Торгующие на базаре могли без платежа пошлины торговать съестными припасами и крестьянскими изделиями. На базарной площади были сооружены лавки для снабжения крестьян промышленными товарами.

Городская торговля делилась на беспошлинную и обложенную акцизом. Горожанам разрешалось без платежа пошлины за право торговли продавать только сельскохозяйственную продукцию, строительные материалы и предметы домашнего рукоделия.

Пошлины за право производства торговли в первой половине XIX в. взимались с гильдейских свидетельств, а с 1863 г. со свидетельств на право производства торговли и промыслов, а также с билетов на торговые заведения. Свидетельства делились на купеческие и гильдейские, дающие личные преимущества, и промысловые, не дающие личных преимуществ. Купеческие свидетельства были двух разрядов: первой гильдии — для оптового торга и второй — для розничного. Промысловые свидетельства выдавались на мелочный и розничный торг. В 1875 г. двое омских купцов имели свидетельства первой гильдии, 84 — второй гильдии, 368 человек имели свидетельства на мелочный и развозной торг³³.

Торговые заведения можно было содержать только после покупки специального билета. Плата в Омске за свидетельство первой гильдии составляла 265 руб., второй — 45 руб. За свидетельство на мелочный торг платилось по 15 руб.³⁴.

Для торговли омских купцов была характерна неустойчивость, обусловленная мизерностью их оборотных капиталов, и вместе с тем раздробление денежных средств на различные операции с отдачей части денег в кредит. Под влиянием совокупности политических, социальных, экономических и географических факторов в Омске в XIX в. **военно-административные функции** развивались более успешно, чем **торгово-промышленные**. Именно это предопределило соответствующую отраслевую структуру занятости, профессиональный и социальный состав городского населения, общее экономическое отставание, слабое развитие городской сферы нематериального производства.

-
- ¹ Словцов И. Я. Материалы по истории и статистике Омска.— Омск, 1880.— Ч. I.— С. 61—62.
- ² ГАОО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 93. Л. 1—19.
- ³ Там же. Ф. 13. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.
- ⁴ Словцов И. Я. Указ. соч.— С. 60.
- ⁵ РГИА. Ф. 18. Оп. 3. Д. 644. Л. 11—12.
- ⁶ Словцов И. Я. Указ. соч.— С. 61, 67.
- ⁷ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 31. Л. 31.
- ⁸ ГАОО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 28. Л. 9.
- ⁹ Колесников А. Д. Рост, сословный состав и занятость населения дореволюционного Омска//История городов Сибири.— Новосибирск: Наука, 1977.— С. 239.
- ¹⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 17485. Л. 32.
- ¹¹ РГИА. Ф. 20. Оп. 12. Д. 1—5. Л. 1.
- ¹² ГАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 12917. Л. 3.
- ¹³ При составлении таблицы использованы следующие источники: РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 26.; Ф. 1284. Оп. 69. Д. 364. Л. 30; ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1141; Оп. 2. Д. 2759. Л. 174; Оп. 11. Д. 17485. Л. 2—32; Ф. 14. Оп. 1. Д. 134. Л. 11; Д. 652. Л. 1—35; Д. 423. Л. 38; Д. 494. Л. 12.
- ¹⁴ При составлении таблицы использованы следующие источники: РГИА. Ф. 1284. Оп. 69. Д. 364. Л. 30; ГАОО. Ф. 3. Оп. 11. Д. 17455. Л. 2—32; Ф. 14. Оп. 1. Д. 134. Л. 11; Д. 423. Л. 38; Д. 494. Л. 12. Обзор Акмолинской области за 1892 г.— Омск, 1893.— С.— Прилож. 2.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 652. Л. 1—35.
- ¹⁶ Обзор Акмолинской области за 1891 г.— Омск, 1893.— Прилож. 3.
- ¹⁷ Юрасова М. К. Омск. Очерки по истории города.— Омск, 1972.— С. 43.
- ¹⁸ Кочнев С. И. Омск в 40-х гг. прошлого века//Вестник Омского городского общественного управления.— Омск, 1912.— № 23.— С. 13.
- ¹⁹ ТФГАТО. Ф. 152. Оп. 44. Д. 137. Л. 1—10.
- ²⁰ Там же. Оп. 42. Д. 652. Л. 20.
- ²¹ Тобольские губернские ведомости.— 1862.— № 31.
- ²² Сибирь и Великая Сибирская железная дорога.— СПб., 1893.— С. 261.
- ²³ Волъский З. Вся Сибирь.— СПб., 1908.— С. 412.
- ²⁴ ГАОО. Ф. 30. Оп. 1. Д. 19. Л. 6.
- ²⁵ Кочнев С. И. Указ. соч.— С. 10.
- ²⁶ ГАОО. Ф. 14. Оп. 1. Д. 338. Л. 275.
- ²⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1369. Л. 76.
- ²⁸ Там же. Оп. 11. Д. 17487. Л. 12.
- ²⁹ РГИА. Ф. 560. Оп. 4. Д. 1034. Л. 3.
- ³⁰ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 2673. Л. 1—2.
- ³¹ РГИА. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 26. Л. 109.
- ³² Кочнев С. И. Указ. соч.— С. 14.
- ³³ Экономическое состояние городов Российской империи.— СПб., 1882.— С. 91.
- ³⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 2. Д. 3270. Л. 51.
-

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКАЯ ЦЕРКОВЬ И СТРОИТЕЛЬСТВО ПРАВОСЛАВНЫХ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ

В 1850—1870-е гг. в Омске

(к проблеме стилиобразования)

В конце 1850-х гг. омские городские власти осознавали острую необходимость в строительстве православных храмов. Генерал-губернатор Западной Сибири Г. Х. Гасфорд писал Епископу Тобольскому и Сибирскому: «По народонаселению Омска и по обширности занимаемого им пространства, число существующих ныне в этом городе православных церквей крайне недостаточно»¹. Желая получить благословение архипастыря на возведение нового храма, Гасфорд одновременно просил выслать «шнуровую книгу» для сбора добровольных пожертвований. Более пяти лет потребовалось только для того, чтобы собрать средства и начать строительство. Церковь во имя Воздвижения животворящего креста Господня сооружалась с 1865 по 1870 г., причем «без всякого пособия от правительства»². Денежные вложения именитых горожан, военных чинов — в частности в списках жертвователей встречается имя отца художника М. Врубеля³ — дополнялись крупными суммами жителей других городов и даже целых губерний. Гасфорд, к 1862 г. уже навсегда покинувший Омск, лично присылал деньги из Петербурга, «желая способствовать скорейшему осуществлению дела»⁴. Вторя Грабарю, который находил в безудержной страсти Екатерины II к строительству проявление ее горячей любви к новой родине, мы усматриваем в деятельности Гасфорда на том же поприще искреннее желание видеть столицу «своего» края прекрасной.

Сохранившаяся архитектурная графика, переписка и документы того времени выявляют особенности проектирования и ведения строительных работ на этом важном для города объекте. Особенно тщательно выбирали место. Ситуация с храмом как бы повторяла историю с определением места новому генерал-губернаторскому дому. Назначенные площади для церквей, как и Городовая площадь с ее центральным объектом, были указаны архитектором Гесте и высочайше утверждены еще в 1829 г. И смена места могла осуществляться только при наличии нового генерального плана, которого город в начале 1860-х гг. не имел. Примечательно, что вопросы, особо не обсуждаемые при проектировании дома для генерал-губернатора в начале 1850-х гг., например, инженерно-геологические изыскания, здесь уже играли важную роль. Грунт для «столь значительного здания», имеется в виду храм, оценили как «рыхлый» и решили провести «сандировку местности» на другом участке⁵. А еще ранее вопрос «удобства» нового места рассмотрели с точки зрения функционального обслуживания жителей двух соседствующих форштадтов. Поясним, что проектом Гесте на эти:

территориях предполагалось строительство нескольких церквей. Но в 1860-х гг. речь шла только об одном храме. И сооружение его, как значалось в Бутырках — напротив военного госпиталя, где уже была «небольшая домовая церковь, вроде часовни»⁶, не решало проблемы отдаленных кварталов. В свое время именно о жителях этой части города заботился бывший генерал-губернатор, о чем и писал в Епархию: «...люди преимущественно бедные, не имеющие своих лошадей и экипажей часто лишены бывают возможности посещать Божий храм, не только в Воскресные дни, но даже в большие праздники»⁷. Для устранения «сего неудобства» Гасфорд предлагал возвести новую церковь на Кадышевском форштадте, что впоследствии генерал-губернатор Западной Сибири А. О. Дюгамель постарался исполнить, выбрав, правда, для этого приграничную «свободную площадь»⁸. В подобных поисках, где не берется уже во внимание регулярность градостроительной концепции классицизма, отчетливо проступают симптомы времени. Когда речь заходит об отводе земли, утилитарные понятия «пользы» и «удобства» выдвигаются на первое место.

Растянувшаяся на долгие годы (1858—1870) реализация идеи «воздвижения храма» предопределила участие нескольких зодчих в деле его проектирования и строительства. Первоначальный замысел принадлежал старшему городскому архитектору Ф. Ф. Вагнеру, выполнившему предварительную смету и чертежи в ноябре 1861 — январе 1862 гг.⁹. Лишь в 1863 г. проект был «улучшен в некоторых частях» в Санкт-Петербурге в Департаменте Проектов и Смет архитектором-художником К. Лазаревым¹⁰. Сооружалась же церковь «под наблюдением по технической части» омским городским архитектором Э. И. Эзетом¹¹, сменившим на посту Вагнера. Последний, в свою очередь, став чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Западной Сибири вместе с акмолинским областным архитектором, академиком В. К. Гейде в мае 1870 г. освидетельствовали постройку¹². До недавнего времени авторство приписывали К. Лазареву, т. к. лишь его имя называл В. И. Кочедамов в связи с Крестовоздвиженским храмом в книге об Омске¹³. Сравнительный анализ чертежей Вагнера и Лазарева с возведенной Эзетом постройкой дает право признать приоритет за Ф. Вагнером, объективно упоминая в соавторстве архитекторов К. Лазарева и Э. Эзета.

В проекте Вагнером был использован тип двухчастного храма, состоящего из помещения самой церкви с полукруглой апсидой и притвора с ярусной колокольной, расположенных на одной оси. Основной объем имел в плане форму квадрата и конструктивно решался по традиционному принципу четырехстолпного сооружения с несущими наружными стенами. Столбы воспринимали часть распора коробовых сводов перекрытия и через систему парусов и подпружных арок нагрузку от восьмигранного барабана, увенчанного куполом. Сам купол перекрывался восьмилотковым сомкнутым сводом, а снаружи очертанием кровли напоминал изогнутые крыши сооружений позднего немецкого Возрождения. Вся пластика фасадов имела явное тяготение к Ренессансу — историческому архитектурному стилю, опробованному Вагнером уже при строительстве генерал-губернаторского дворца. Подобное цитирование прошлого было характерным для этого времени. Уходящий классицизм на раннем этапе эклектики сменился ретроспективным стилизаторством. Демонстрируя ренессансное поэтажное размещение ордера, дорические пилястры — одиночные или соединенные попарно — располагались по всему периметру здания, во втором ярусе колокольни и на барабане купола. Оконные и дверные проемы имели арочные завершения. Часто применяемый мотив круглого окна также вошел в общую композицию. Конкретно-образное стилевое звучание должны были усиливать высокие порталы с многоступенчатыми лестницами, организованными с трех сторон здания. Арка портала объединяла входную дверь и выше расположенные сдвоенные окна. Оформ-

ление последних большим и малыми архивольтами с медальоном между ними было заимствовано из архитектуры раннего Ренессанса. Символическое значение трехкратного ритмического повтора арок подчеркивал раскрепованный фронтон, возвышавшийся над порталом. В его треугольном тимпане предполагался большой изящно декорированный медальон с изображением Христа.

В результате творческого вмешательства Лазарева в проект Вагнера фасады церкви получили совершенно иное стилизованное оформление. Казалось, перемены в декоре незначительны, но зрительно происходило погружение в более раннюю историческую эпоху. Пилястры дорического ордера на колокольне и барабане купола были заменены на небольшие полуколонны, которые имели завершение довольно стилизованное, но все же близкое к кубической капители романского периода. Излюбленное украшение зодчества этого времени — аркатурный пояс появился на фасаде здания под карнизом. Исчез фронтон, венчающий портал притвора, и вместе с ним малые фронтоны на колокольне. Напротив, ренессансные порталы на южной и северной стенах были сохранены, т. е. не выпадали из стилистического контекста. Лазарев, видимо, учитывал, что мотив двойной арки пришел в раннее Возрождение через готику из романской архитектуры. Создавая по преимуществу «романскую версию», зодчий не избежал некоторых отступлений. Выполнив над куполом фонарь главки более высоким, он в основании его поместил ряд небольших кокошников с «раковинами». Тот же прием был использован в завершении колокольни. Наверяд ли кокошники хорошо прочитывались бы при исполнении их в натуре, но формально они никак не вплетались в основную идею. И еще несколько мелких деталей выглядели противоречиво. Сравнительный анализ проектов Вагнера и Лазарева дает, на наш взгляд, ясное понимание аппликативной природы эклектики. В данном случае индивидуальность архитектора, его историческая ориентация проявляется в наложении нового декора на стены здания при неизменности его объемно-пространственной структуры. Здесь же становятся видны, — цитируем Г. Вельфлина: «интимнейшие процессы роста стиля»¹⁴. Действительно, если Вагнер еще работает в русле ретроспективного стилизаторства, в частности неоренессанса, то предпринятые «улучшения» Лазарева лежат уже в области дальнейшего поворота эклектики к смешению элементов и форм различных архитектурных стилей.

Наблюдение за сооружением храма осуществлял архитектор Эзет. И на этом этапе мы внедряемся в сферу местной строительной политики — так называемого «провинциального опрощения» или тихого своеволия. Как следует из акта освидетельствования¹⁵, храм возводился по высочайше утвержденному в 1863 г. проекту, т. е. в итоге должен был получить фасады, соответствовавшие замыслу Лазарева. Но в реальности Эзет почти полностью повторил проект Вагнера, оставив из официального варианта лишь высокие фонари под восьмигранные главки крестов. Отступление от проекта выразилось также в исчезновении с барабана пилястр и заменой их на колокольне нишами. Однако в результате некоторого «опрощения» возрожденческий дух не был утрачен. Всем своим образным строем новая церковь подтверждала, что Ренессанс — «искусство прекрасного и покойного существования»¹⁶. Несмотря на то, что высотным силуэтом она визуально подчиняла себе огромное пространство малоэтажной жилой застройки, вблизи казалась камерной, а с дальней точки обзора, скорее величаво спокойной, чем монументальной.

В связи с изучением проектов Крестовоздвиженского храма возникает еще один немаловажный вопрос. Чем был продиктован выбор «стиля»? Казалось бы, в церковном строительстве, — полагая постоянное запаздывание провинции, — в 1860-х гг. должен был еще ярко заявлять о себе «русско-византийский стиль». Возникший в конце 1820-х — начале 1830-х гг. и положивший начало национальному на-

правлению в эклектике, он вскоре стал официальным «стилем». Видимо, поэтому и получил в современном искусствоведении определение официального варианта «русского стиля»¹⁷. Формальная сущность его заключалась в применении мотивов отечественного культового зодчества XVI—XVII вв., в их эклектическом сочетании с элементами византийской архитектуры. Атласы образцовых чертежей К. Тона — апологета названного «стиля» были высочайше утверждены в 1840-х гг. и повсюду использовались в России. По его индивидуальным проектам в Сибири строились храмы в Томске (Троицкий собор. 1845—1901) и Красноярске (Рождественский собор. 1840-е). Влияние «тоновского почерка» ощущалось и в творчестве некоторых его современников. Но в Омске в 1860-е гг. самое значительное сооружение ортодоксальной церкви (!) было решено в иной стилистике. Объяснить выбор Вагнера незнанием общих тенденций развития отечественной архитектуры в храмостроении из-за отдаленности провинции невозможно. Он получил хорошую профессиональную подготовку в Московском Дворцовом архитектурном училище — поистине главном центре по изучению русского наследия. Его педагогами были: Петр Максютин, который в 1809 г. первым отправился в путешествие по России изучать древности, Федор Рихтер, издавший в середине XIX в. пять тетрадей «Памятников древнерусского зодчества...»¹⁸. Причем Рихтер имел репутацию блестящего специалиста в деле подготовки русских архитекторов «по части национального наследия»¹⁹. Так что профессионально Вагнер обладал необходимой суммой знаний, которая позволяла ему воспринять или подвергнуть сомнению искусство «торжествующего Тона». Он также мог предложить свою импровизацию на тему русской старины, ибо 1860-е гг. — время рождения неофициального или демократического варианта «русского стиля», истоком которого служили исключительно национальные традиции. Но, по-видимому, провинции еще рано было заявлять о себе подобным образом в архитектуре. Скорее, можно предположить, что Вагнер придерживался идеи европейского пути развития России и, соответственно, западного влияния на все русское искусство. Была ли таковой позиция архитектора, сказать сейчас трудно, но факт появления в Омске православной церкви в «стиле» неоренессанса показывает, что известная двойственность отечественной культуры, разделившая ее деятелей на «западников» и «славянофилов», отразилась и на творчестве зодчих провинции.

Строительство Крестовоздвиженского храма следует воспринимать для города как событие «великое и значительное». Пояснением тому — общая направленность в деле устройства церквей в Омске в 1850—1870-е гг., которая характеризуется в большей степени открытием домовых храмов, нежели возведением монументальных сооружений. В ряду домовых церквей: Скорбященская при новом тюремном замке (1860); переделанная и «лучше украшенная» Николаевская в Сибирском Кадетском корпусе (1862, 1864)²⁰; пристроенная к бывшему артиллерийскому складу Преображенская в Дисциплинарной роте (1873); сооруженная в здании Военного госпиталя церковь во имя Богоматери «Всех скорбящих радости» (1875)²¹.

Почти одновременно с Крестовоздвиженским храмом проектировались еще два отдельно стоящих культовых сооружения: церковь Всех святых на Казачьем кладбище и часовня во имя Иверской Божьей Матери и Сергия Радонежского у Базарной площади. Построены они были гораздо раньше нового храма по причине небольших размеров и благодаря частному заказу. Всехсвятская кладбищенская — на средства почетного гражданина В. П. Кузнецова (1859)²², а часовня — стараниями омского купца Ф. Г. Курганского (1863—1867)²³. Оба памятника не сохранились, но несколько редких фотографий дают возможность причислить их к тому типу построек, которые начали воздвигаться повсюду в России после официального признания творческой концепции Тона. По отношению к Всехсвятской церкви это всего лишь



Крестовоздвиженская церковь. Из фондов ОГИК музея

предположение. Так как в 1896 г. к храму пристраивалась колокольня, расширялись его помещения, могли произойти изменения и во внешнем оформлении. Но все же компактный объем одноглавой церкви, расчлененность ее стен классическими пилястрами, наличие антаблемента и, вместе с тем, использование мотива килевидных арок в барабане купола и в обрамлении проемов — сродни попытке объединить ордерные композиции с элементами церковей «старинного русского вкуса». Академизм плюс традиция — характерная черта официального варианта «русского стиля».

Иверская часовня представляла собой в плане неравносторонний восьмигранник с двумя типами размеров. Завершалась она низким восьмигранным шатром с луковкой на тонкой и высокой шейке. Определяющую стилистическую принадлежность сооружения, не следует приписывать его к демократическому варианту «русского стиля» только из-за наличия шатра. В этом было бы некоторое преувеличение и забегание вперед. Дата строительства часовни падает на 1860-е гг., когда провинция не была открыта для чуткого восприятия любого поворота в архитек-

ре. Примем во внимание и то, что «новый» или второй тоновский иль уже в 1840—1850-е гг. демонстрировал шатер русского среднековья как важный компонент архитектурной композиции. Не было винкой по отношению к официальному варианту «русского сти-» и появление в шатре слухов, а в его основании кокошников. екоторая же суховатость пластических мотивов восьмерика ассоции- валась с академизмом тоновских церквей. Документы, подтвержда- дие чье-либо авторство, равно как и упоминание об использовании бразцового проекта», пока еще не найдены. Однако образная харак- ристика строения позволяет предполагать своего рода подражание ганере Тона». Интересной для дальнейшей атрибуционной работы ожет показаться общая архитектурная деталь для Всехсвятской ркви и часовни — зубчатый подкарнизный пояс. По своему декора- вному звучанию он подобен аркатурному подкарнизному поясу Ла- рева в проекте Крестовоздвиженского храма. Вполне вероятно, одна ка поправляла или «улучшала» фасады культовых сооружений Ом- а в конце 1850-х — середине 1860-х гг.

Попытка осветить интересную, на наш взгляд, трансформацию оектной идеи Крестовоздвиженского храма на фоне происходивших оцессов стилеобразования предопределила сознательную установку | рассмотрение только архитектуры фасадов, оставляя вопросы «сти- » внутренних помещений церквей и сакральных интерьеров в кан- ных зданиях для отдельного исследования.

¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3994. Л. 1.

² Там же. Л. 268 об.

³ Селюк В. Храм на Кадышевском форштадте//Омская правда.— 1990.— июля.

⁴ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3994. Л. 156.

⁵ Там же. Л. 162.

⁶ Там же. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 1. и об.

⁸ Там же. Л. 162, 292.

⁹ Там же. Л. 101, 103, 120.

- ¹⁰ РГИА. Ф. 1293. Оп. 166. Л. 21, 22.
- ¹¹ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3994. Л. 269, 281, 293.
- ¹² Там же. Л. 296—297.
- ¹³ Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город.— Омск, 1960.— С. 33. Ф. Вагнера как составителя первоначального проекта упоминает В. И. Селюк. См.: Храм на Кадышевском форштадте//Омская правда.— 1990.— 11 июля.
- ¹⁴ Вельфлин Г. Ренессанс и барокко.— СПб., 1913.— С. 105.
- ¹⁵ ГАОО. Ф. 3. Оп. 3. Д. 3994. Л. 296.
- ¹⁶ Вельфлин Г. Указ. соч.— С. 31.
- ¹⁷ Кириченко Е. И. Русская архитектура 1830—1910-х гг.— М., 1978.— С. 75.
- ¹⁸ Гуменюк А. Воскрешая прошлое//Омск, 1991.— № 2.— С. 183.
- ¹⁹ Кириченко Е. И. Указ. соч.— С. 57.
- ²⁰ Лосунов А. Кадетская церковь//Омская правда.— 1991.— 20 июня.
- ²¹ Датировки приводятся по: Скальский К. Ф. Омская епархия.— Омск, 1900.
- ²² Голошубин И. Справочная книга Омской епархии.— Омск, 1914.— С. 18—19.
- ²³ Там же.— С. 17—18; ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 5. Л. 45.
-

МОЛОКАНЕ ОМСКОЙ ОБЛАСТИ

История различных конфессиональных групп на территории Омской области является практически неизученной страницей нашего краеведения. Публикации ограничиваются проблемами храмовой архитектуры русской православной церкви. Некоторые проблемы ислама впервые были отражены в материалах международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI в.», прошедшей в городе Омске в 1994 г.¹ Из других публикаций можно отметить статью П. П. Вибе «Из истории меннонитов в России»².

Исторически сложилось, что Сибирь с ранних периодов ее заселения была переплетением самых различных религий и верований. Каждый народ, проживающий на обширных сибирских просторах, вписал свою линию в многообразную палитру религий, философских представлений о мироздании и духовной сущности человека. Атеистический период XX в. сгладил несколько религиозные проявления, но рост национального самосознания, развитие культурных традиций на новом историческом этапе вновь выявили многочисленные особенности и индивидуальные проявления в области религии у различных народов и отдельных этнических групп.

В летний период экспедиции 1993 г. по Полтавскому району были выявлены два села компактного проживания переселенцев-молокан. Это с. Вольное и Терпенье. В Черлакском районе молокане проживали в с. Патровка.

Молокане — одна из разновидностей «духовного христианства» — появились в конце 60-х гг. XVIII в. среди государственных крестьян, мещанских и купеческих кругов. Основатель секты — С. Уклеин. Они отрицали православную церковную иерархию, монашество, иконы, святые мощи. Библия рассматривалась как единственный источник истины. Толковали ее в «духовном», т. е. этическом смысле, считали ее главным руководством в повседневной жизни. Молокане не придерживались церковно-канонических норм. Истинный смысл жизни человека состоит в раскрытии заложенного в нем Богом доброго начала, в нравственном совершенствовании. Идея «спасения верой» и отказ от посредников между богом и человеком сближали их с протестантами³.

Роль руководителей общины исполняли «старцы» — наиболее авторитетные, с большим жизненным опытом люди. Религиозный обряд заключался в религиозном собрании, где читалась проповедь и происходило пение духовных песен. Чаще всего это псалмы Давида. Искусство духовного песнопения было развито очень высоко. Духовные песни записывались в рукописных книгах посредством крюкового нотного письма.

Существует два объяснения возникновения названия секты. Свое учение молокане называли «чистым молоком духовным»⁴. Отрицая канонические нормы православия, члены секты употребляли в великий пост молоко и в 1765 г. тамбовская консистория утвердила название молоканства⁵.



Жительницы с. Вольное Полтавского р-на. Молокане.
Нач. 30-х гг. XX в.

На территорию нашего края переселенцы-молокане прибыли в конце XIX—начале XX вв. из Таврической и Самарской губерний. В молоканских с. Вольное и Терпенье имелись молитвенные дома, построенные на средства общины. Селились молокане компактно, на своих улицах не разрешали строить жилища не членам общины. Не поощрялись браки с представителями других религиозных групп, в т. ч. и христианского толка. К моменту переселения в Сибирь молоканские общины были своеобразными этно-религиозными группами. Здесь сложились твердые традиции нравственно-бытового уклада, которые обуславливались не только религиозным учением молокан. В быту регламентировалось строгое подчинение старшим по возрасту. Очень высок был авторитет отца в семье. Поощрялось трудолюбие, аккуратность, скромность. Соблюдалась абсолютная трезвость.

Трудолюбивые молокане быстрее других переселенцев достигали хозяйственного благополучия. В доколхозный период среди них был значительный слой зажиточных крестьян, некоторые занимались торговлей.

По хозяйственным книгам Полтавского района за 1928—1929 гг. можно проследить имущественное положение крестьян-молокан. Это преимущественно зажиточные и середняцкие хозяйства. Например, житель с. Вольное, член молоканской общины Матвей Петрович Харитонов имел следующее хозяйство: жилой дом с хозяйственными построй-

ками, 35 десятин пахотной земли, 4 предмета крупного сельхозинвентаря (машин), многочисленный скот⁶. Занимался торговлей.

Молокане с. Терпенье Полтавского района братья Мамонтовы — Александр Петрович и Иван Петрович, — ведя совместное хозяйство, имели дом из самана под черепичной крышей, хозяйственные постройки, трактор, лобогрейку, сенокосилку, плуг, борону. Возделывали 35 десятин пахоты; держали 2 лошадей, 3 волов, верблюдов, 7 коров, 35 овец⁷.

В начале 1920-х гг. молитвенные дома молокан были закрыты, а здания использовались под различные учреждения. Так, в с. Терпенье в молитвенном доме разместили клуб. После принятия Конституции 1936 г. несколько человек молоканского вероисповедания попытались организовать письмо-прошение с просьбой о возврате здания общине.

В архиве госбезопасности хранится дело крестьян с. Терпенье по обвинению в антисоветской деятельности⁸. По этому делу привлекались И. С. Смагин (1865 г. р.), В. И. Жигалов (1896 г. р.), А. П. Мамонтов (1904 г. р.), П. И. Легашов (1902 г. р.). Вина И. С. Смагина состояла в том, что этот 72-летний старец был инициатором прошения о возврате молитвенного дома, не скрывая своих религиозных убеждений. Остальные, проходившие по этому делу, также высказывали суждения, связанные с их религиозными взглядами, и в бытовых разговорах допускали критику в адрес руководителей колхоза.

Постановлением тройки УНКВД по Омской области от 21 ноября 1937 г. И. С. Смагин и В. И. Жигалов были приговорены к расстрелу. А. П. Мамонтов и П. И. Легашов к 10 годам исправительных лагерей. П. И. Легашов скончался в период следствия.

Выписка из протокол. № 46 заседания Тройки УНКВД Омской обл. от 21/11 1937 г.
слушали. постановили

98. Дело № 7591 Полтавского РО НКВД по обвинению : СМАГИНА Ивана Семеновича, 1865 г.р., кулак, лишен избирательных прав, был выслан, на пути к месту ссылки — сбежал, в 1932г. возвратился к месту своего прежнего жительства где был арестован органами ОГПУ. Обвиняется в том, что являясь участником к/р кулацкой группировки, провозил и перевозил, направленную на развал колхоза и клубную работу среди колхозников агитацию, за открытие молитвенного дома. Высказывал свое недовольство по отношению к политике Соввласти, восхвалял прежнюю жизнь. Виновным себя признал частично, что изобличается показаниями свидетелей.
(Докладчик тов. Секретарь тройки УНКВД)
- СМАГИНА Иван Семеновича
РАССТРЕЛЯТЬ.

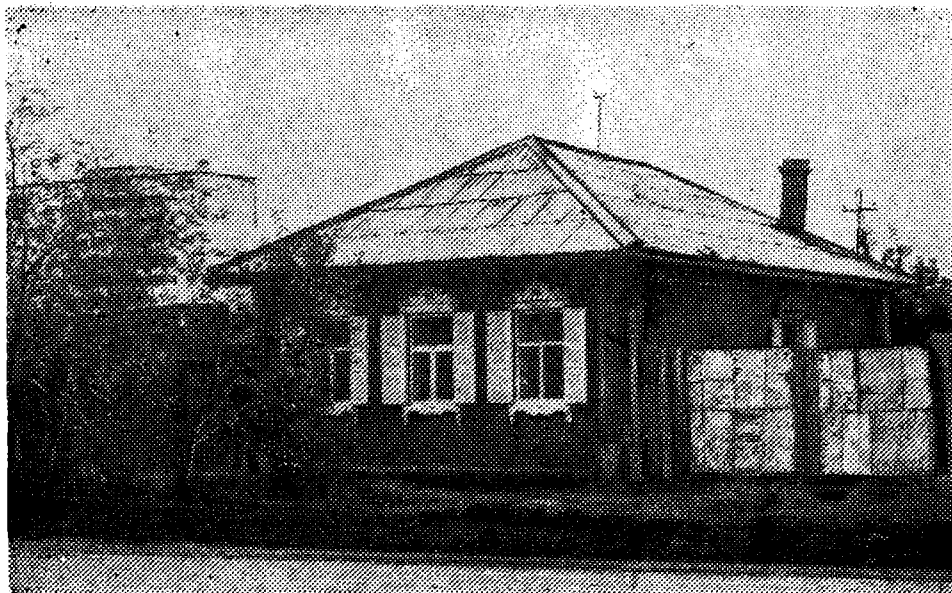
ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 46

заседания тройки при управлении НКВД по Омской области

от 21 ноября 1937 г.

слушали	постановили
99. Дело № 7591 Полтавской РОМ МАМОНТОВ Александр Петрович, 1904 г.р., заключительный срок на избирательных прав, за хранение хлеба от соввласти. Обвиняется в том, что являясь к/р, работу по развалу колхоза и клубной работы.	МАМОНТОВА Александра Петровна, 1904 г.р., заключительный срок на ДЕСЯТЬ лет считая срок с 18 ноября 1937 г.
Секретарь тройки УНКВД	

Решение тройки НКВД. Архив ФСБ.



Молитвенный дом молокан в Омске. 1994 г. Фото В. Черненко

Несмотря на репрессивную политику против верующих, молокане продолжали собираться нелегально в домашней обстановке. Долгое время сохранялись бытовые традиции, особенно среди людей старшего и среднего возраста. Свадебные застолья, домашние торжества, похороны молокане проводили без спиртного вплоть до 1950-х гг. За столом пели духовные песни. Обязательно готовилась ритуальная пища, которая включала три основных блюда: борщ (типа щей на мясном бульоне), крутая лапша, которая замешивалась на одних только яйцах без воды и компот («узвар»). Отдельно подавалось отварное мясо. После общего застолья проходило разделение по половозрастному принципу. Молодежь уходила веселиться на улицу, пожилые могли часами петь духовные гимны.

Долго сохранялись некоторые традиции в одежде, особенно женской. У замужних женщин преобладали платья темных, спокойных тонов, голова покрывалась платком, а в праздники — черным ажурным шарфом, концы которого не завязывались, а свободно свисали на грудь. Свадебное платье невесты шили только с длинными рукавами. Мужская одежда молокан мало чем отличалась от одежды других групп, но всегда была добротной, опрятной.

В середине XX в. под государственно-атеистическим давлением молодежь полностью отказывается от религиозных убеждений предков-молокан, нарушаются религиозные и моральные табу. Однако новое поколение в большинстве осознает себя молоканами с соблюдением некоторых бытовых традиций. В период музейной экспедиции 1993 г. зафиксировано, что многие жители с. Вольного называют себя молоканами, хотя и не являются верующими⁹.

В конце 1980-х гг. в Омске была зарегистрирована молоканская община. На 20-й Линии, в доме № 142 располагается молитвенный дом молокан. Собрания верующих проходят один раз в неделю, по воскресеньям. Возглавляет общину А. Ф. Снякин, ему помогает староста Б. Н. Саяпин. Община не очень многочисленная, в ней чуть более 140 прихожан и только 30 — активные члены. Часть прихожан посещает собрания один раз в год — на Пасху. Их называют в общине «годовики». В сельской местности зарегистрированных молоканских общин нет. Здесь произошло объединение верующих этого толка с близкими по религиозным канонам группами. Так, в с. Вольное русские-

молокане объединились с немцами-баптистами. Проводятся совместные молитвенные собрания под руководством приезжих проповедников. Чаще всего приезжают пресвитеры баптистских общин из Исилькульского района.

Под влиянием идеологических, социально-экономических факторов произошло угасание традиционной молоканской веры. В настоящее время очень незначителен круг ее носителей. Более устойчивы культурно-бытовые традиции, которые сохраняются как в сельской, так и в городской среде выходцев из молоканских семей.

¹ Ислам, общество и культура//Материалы Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI в.» (к 600-летию ислама в Сибири).— Омск, 1994.

² Вибе П. П. Из истории меннонитов в России//Немцы Сибири. История и культура: материалы научно-практической конференции.— Омск, 1993.— С. 41—45.

³ Атеистический словарь.— М., 1985.— С. 278.

⁴ Там же.

⁵ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.— СПб., 1896.— Т. 38.— С. 644.

⁶ ПРА Ф. 37. Д. 04—1. Л. 7.

⁷ Там же. Д. 04—2. Л. 21.

⁸ АУМБРОО Д. 7591. П-941.

⁹ Архив ОГИК музея. Материалы экспедиции 1993 г. по Полтавскому району.
